Общий тираж превысил 40 миллионов экземпляров
misterium
ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ
ДЖОН
СЭНДФОРД
ЖЕРТВА РАЗУМА
СЕРИЯ СУПЕРБЕСТСЕЛЛЕРОВ
О ДЕТЕКТИВЕ ЛУКАСЕ ДЭВЕНПОРТЕ
ЭКСМО

Джон Сэндфорд

Жертва разума

Серия «Misterium»

Серия «Лукас Дэвенпорт», книга 7

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9001692
Сэндфорд, Джон. Жертва разума: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-78176-8

Аннотация

Не так давно Джон Мэйл был помещен в психиатрическую клинику и проходил там курс принудительного лечения. Ему удалось бежать и скрыться в окрестностях Миннеаполиса под чужим именем. Но больной рассудок и жажда мести не давали Джону покоя. И тогда, завзятый поклонник ролевых игр, он решил начать свою игру – максимально реалистичную. Похитив своего бывшего психиатра и двух ее дочерей, он запер их в сельском доме и бросил открытый вызов знаменитому сыщику Лукасу Дэвенпорту, приступившему к расследованию этого дела. Помимо службы в полиции, Лукас был широко известен как создатель ролевых игр. И Мэйл навязал ему состязание, ставка в котором – жизнь трех женщин. Безумец считает, что победит, – ибо именно он выстраивает сценарий игры. Но Дэвенпорт хорошо знает: игру определяет тот, кто устанавливает ее правила…

Содержание

Глава 01 5
Глава 02 13
Глава 03 21
Глава 04 31
Глава 05 39
Глава 06 47
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Джон Сэндфорд
Жертва разума

John Sandford
Mind Prey
Copyright © John Sandford, 1995
© Гольдич В., Оганесова И., перевод на русский язык, 2013
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 01

Ближе к вечеру началась гроза, и плотные серые тучи повисли над озером, точно свернутые в шарики носки, высыпавшиеся из корзины для грязного белья. Холодный ветер срывал листья с вязов, дубов и кленов, которые росли на берегу, и белые флоксы и черноглазые гибискусы склоняли перед ним свои головки.

Лето подходило к концу, как-то слишком быстро.

Джон Мэйл шел по плавучему доку «Проката лодок Ирва», окутанному вонью бензина, дохлой, высохшей на воздухе мелкой рыбы и водорослей, а за ним, засунув руки в карманы потрепанных габардиновых брюк, тащился старик хозяин. Мэйл не имел ни малейшего представления о старых устройствах – дросселях[1], грушах для подкачки топлива, карбюраторах и прочих штуках. Он прекрасно разбирался в диодах и резисторах, сильных сторонах одного чипа и недостатках другого. Но в Миннесоте знания о лодках и обо всем, что с ними связано, – часть генетического наследия, и он без проблем сумел взять напрокат у Ирва четырнадцатифутовый[2] «Лунд» с подвесным мотором «Джонсон 9.9». Причем ему хватило водительских прав и банкноты в двадцать долларов.

Мэйл забрался в лодку, смахнул ладонью воду со скамейки и сел. Ирв, опустившись на корточки рядом, показал, как завести и заглушить мотор, как управлять лодкой и прибавить скорость. Урок занял тридцать секунд, после чего Джон, прихватив с собой дешевую удочку с катушкой и пустой красный ящик из пластмассы, предназначенный для снастей, отплыл от берега озера Миннетонка.

– Возвращайся дотемна! – крикнул ему вслед Ирв.

Седовласый старик стоял на пристани и смотрел вслед отплывающей лодке.

Когда Мэйл вышел из плавучего дока, небо у него над головой было ясным, а воздух прозрачным и летним, хотя на западе что-то происходило, и он подумал, что приближается гроза, которая пока прячется за деревьями. Впрочем, это не имело значения – всего лишь впечатление.

Он проплыл три мили[3] вдоль берега на северо-восток. Вокруг озера, так плотно, что казалось, будто они касаются друг друга локтями, выстроились большие дома из камня и кирпича, стоимостью в несколько миллионов долларов каждый, с ухоженными лужайками, сбегающими к воде. Их украшали похожие на почтовые марки клумбы с цветами, над которыми потрудились профессионалы, а от них в разные стороны разбегались дорожки из крупной гальки. В траве сидели каменные лебеди и утки.

С воды все выглядело совсем иначе. Мэйл решил, что он забрался слишком далеко, но так и не нашел нужный ему особняк. Он остановился и поплыл назад, затем сделал круг. Наконец, намного севернее, чем предполагал, он заметил диковинный дом, похожий на башню, – местную достопримечательность. А дальше по берегу, один-два-три, да, вот он: камень, стекло и кедр, красная черепица и едва различимые за скатом крыши верхушки голубых елей, выстроившихся вдоль улицы. Клумба с пышными красными, белыми и голубыми петуниями патриотично украшала стену из плитняка на лужайке, сбегавшей к озеру. Рядом с плавучим доком в судоподъемнике стоял открытый катер.

Мэйл заглушил мотор, и через некоторое время лодка замерла на воде. Гроза еще пряталась за деревьями, и ветер начал стихать. Он взял удочку, отмотал леску и забросил ее

---

[1] Акселератор на любом средстве передвижения, оснащенном двигателем внутреннего сгорания. – *Здесь и далее прим. пер.*

[2] Фут равен 0,3048 м. 14 футов – 4,3 м.

[3] Миля равна 1,61 км. 3 мили – менее 5 км.

в воду, без крючка и грузила. Она плавала на поверхности, но его это не беспокоило – со стороны казалось, будто он ловит рыбу.

Опустившись на жесткую скамью, Джон сгорбился и принялся наблюдать за домом. Однако там ничего не происходило, и через несколько минут он начал фантазировать.

Мэйл отлично умел это делать и в определенном смысле был настоящим мастером. Когда-то его запирали в качестве наказания, отбирали книги, запрещали играть и смотреть телевизор. Они знали, что он страдал от клаустрофобии – это являлось частью наказания, – и тогда, чтобы не сойти с ума, он сбегал в мир фантазий, садился на кровати, поворачивался лицом к голой стене и смотрел собственные фильмы, наполненные сексом и огнем.

Энди Манетт была звездой в его ранних придуманных фильмах; потом стала появляться в них все реже и реже, а в последние два года и вовсе пропала. Он почти ее забыл. Но однажды Мэйл услышал призыв, и она вернулась.

Энди Манетт. Ее духи́ могли оживить мертвеца. Высокая, стройная, с тонкой талией и большой белой грудью, с удивительно изящной шеей, если смотреть на нее сзади, когда она укладывала свои темные волосы в высокую прическу, открывавшую маленькие ушки.

Мэйл уставился на воду, широко раскрыв глаза и выпустив из рук удочку, которая свисала с борта лодки. Энди шла по темной комнате, направляясь к нему и сбрасывая на ходу шелковый халатик. Он улыбнулся. Прикоснувшись к ней, почувствовал, какое у нее теплое, бархатное, безупречное тело. Джон ощущал его кончиками пальцев.

– Сделай это, – говорил он громко, не выдерживал и начинал хихикать. – Вот тут, внизу, – добавлял он.

Мэйл просидел час, потом еще один, время от времени что-то произнося вслух, потом вздохнул, вздрогнул и, вернувшись в реальность, увидел, что мир вокруг изменился.

Небо стало серым, сердитым, со всех сторон наступали нависавшие низко над землей тучи. Ветер набрасывался на лодку, и тонкая леска трепетала на поверхности воды.

Пора.

Мэйл потянулся назад, чтобы завести мотор, и увидел ее.

Она стояла у окна эркера в белом платье – хотя она находилась от него в трехстах ярдах, он узнал фигуру и неповторимую, наполненную вниманием и наблюдательностью неподвижность. Он чувствовал ее взгляд. Энди Манетт была ясновидящей. Она могла проникнуть в его мысли и произносила слова, которые он пытался скрыть.

Джон Мэйл отвернулся, чтобы защититься от нее.

Чтобы она не узнала, что он идет за ней.

Энди Манетт стояла в эркере и смотрела, как дождь наступает на дом со стороны озера, а следом за ним подбирается мрак. На краю лужайки, сбегавшей к воде, ветер трепал высокие головки флоксов. К выходным они уже отцветут. А чуть дальше она увидела одинокого рыбака в лодке с оранжевым носом, взятой напрокат у Ирва. Он сидел на одном месте с пяти часов, и, как ей показалось, без особого результата. Энди могла бы сказать ему, что на дне здесь по большей части лишенный жизни ил и что сама она ни разу ничего не поймала с пристани.

В тот момент, когда она на него посмотрела, он повернулся, чтобы завести мотор. Энди всю жизнь имела дело с лодками, и то, как рыбак двигался, подсказало ей, что он не умеет обращаться с подвесными моторами – не знает, как нужно сесть и одновременно его запустить.

Когда он повернулся, Энди почувствовала его взгляд и подумала, удивив саму себя, что знает этого человека. Впрочем, он находился так далеко, что она даже не различала лица. И тем не менее все вместе – голова, глаза, плечи, движения – показалось ей знакомым…

Затем он снова дернул за веревку стартера и уже через несколько секунд помчался вдоль берега, одной рукой придерживая шляпу, другую положив на рычаг мотора. Энди решила, что рыбак ее не заметил. Их разделила стена дождя.

И она подумала: тучи затянули все небо, начали опадать листья.

Конец лета.

Как же быстро.

Энди отвернулась от окна и прошла по гостиной, включая свет. Комната была обставлена с любовью и одновременно уверенной, твердой рукой: массивные дачные диваны и стулья, столы, сделанные на заказ искусными мастерами, светильники и ковры. В углу намек на принадлежность к секте шейкеров[4], повсюду натуральное дерево и ткани приглушенных тонов с вкраплениями ярких пятен – вспышка красного на ковре, прекрасно сочетавшаяся с антикварным столиком из клена, голубая полоса, словно напоминание о небе за окном.

Дом, всегда теплый и уютный в прошлом, без Джорджа казался Энди холодным.

Из-за того, что он сделал.

Джордж, энергичный, постоянно в движении, вечный спорщик, с умными глазами, грубым лицом, тучный и агрессивный, тем не менее давал ей чувство защищенности. А теперь… это.

Энди была стройной, высокой женщиной, с темными волосами и врожденным чувством собственного достоинства. Часто казалось, будто она позирует, хотя сама она этого не замечала. Просто руки и ноги принимали особое положение, голова склонялась набок, как будто художник рисовал ее портрет. Прическа и жемчужные серьги без слов говорили о том, что она владеет лошадьми и яхтами и проводит отпуск в Греции.

Она ничего не могла с этим поделать, да и не стала бы, даже если бы могла.

В лучах света, падающего из гостиной, Энди начала подниматься по лестнице, чтобы заняться дочерьми: завтра первый день в школе, нужно было выбрать одежду и пораньше уложить их спать.

На верхней площадке лестницы она собралась свернуть направо, к их комнате – и тут услышала едва различимую музыку из непристойного фильма, которая доносилась с противоположной стороны.

Значит, они сидят у телевизора в большой спальне. Пока Энди шла по коридору, она услышала щелчок переключения канала, и к тому моменту, когда переступила порог, девочки с серьезным видом смотрели канал новостей «Си-эн-эн», на котором пара репортеров рассуждала про индекс потребительских цен.

– Привет, мам, – бодро сказала Женевьева, а Грейс подняла голову и улыбнулась, старательно делая вид, что очень рада ее видеть.

– Привет, – ответила Энди и принялась оглядываться. – Где пульт?

– На кровати, – нисколько не смутившись, ответила Грейс.

Пульт от телевизора лежал посреди кровати на покрывале, довольно далеко от девочек. «Они его туда забросили», – подумала Энди, взяла его и сказала:

– Извините.

После чего прошлась по каналам в обратном порядке и на одном из платных обнаружила постельную сцену в полном разгаре.

– Ну, вы даете! – с упреком проговорила она.

– Нам полезно, – запротестовала младшая из дочерей, даже не пытаясь отрицать очевидное. – Для образования.

---

[4] Шейкеры – протестантская религиозная секта в США, официальное название которой – Объединенное сообщество верующих во второе пришествие Христа.

– Это не самый лучший способ, – заявила Энди и выключила канал. – Лучше спросить у меня, если вас что-то интересует. – Она посмотрела на Грейс, но старшая дочь отвернулась – немного сердито и смущенно одновременно. – Ладно, – сказала Энди. – Давайте-ка соберем вещи в школу и примем ванну.

– Мы снова заговорили, как доктор, мама! – возмутилась Грейс.

– Извините.

Когда они шли по коридору в комнату девочек, Женевьева неожиданно выпалила:

– Господи, член у того мужика, как у жеребца!

На мгновение повисло потрясенное молчание, потом Грейс захихикала, через две секунды фыркнула Энди, а еще через пять все трое валялись на ковре в коридоре и хохотали до слез.

Всю ночь шел дождь, который прекратился на несколько часов утром и снова начался.

Энди посадила дочерей в автобус, пришла на работу на десять минут раньше и занялась записанными на прием пациентами; она внимательно их слушала, улыбалась, стараясь успокоить и поддержать, иногда подпускала жесткости в голос. Она разговаривала с женщиной, которая постоянно думала о самоубийстве; и еще с одной, считавшей себя мужчиной, оказавшимся в ловушке женского тела; с мужчиной, ставшим жертвой навязчивой необходимости во всем контролировать жизнь своей семьи – он понимал, что ведет себя неправильно, но ничего не мог с собой поделать.

В полдень Энди прошла два квартала до магазинчика деликатесов и принесла оттуда пакет с ланчем для себя и напарницы. Они провели час, отведенный на ланч, разговаривая с бухгалтером о социальной защите и налогах на компенсацию по потере трудоспособности.

Днем выдался яркий момент: пришел интересный пациент, полицейский офицер, плотно опутанный миллионами нитей хронической депрессии, который, похоже, начал положительно реагировать на новый препарат. Обычно мрачный, с нездоровым цветом лица, насквозь прокуренный, сегодня он смущенно улыбнулся и сказал:

– Господи, эта неделя была лучшей за последние пять лет: я начал обращать внимание на женщин.

Манетт ушла с работы рано и поехала под противным моросящим дождем, от которого все вокруг развезло, в западный район Петли, к хаотичному скоплению белых коттеджей в стиле Новой Англии и зеленым игровым площадкам школы «Березка». Парковку окружал плотный строй кленов, и Энди заметила в роскошных кронах ярко-красные пятна осени. Дорожка ко входу шла через давшую имя школе березовую рощу, расцвеченную золотистыми красками, радовавшими глаз в этот отвратительно серый день.

Она оставила машину на парковке и поспешила в школу, чтобы поскорее оставить позади душный запах дождя, висевшего над асфальтом, точно туман.

Встречи с учителями стали для нее привычной рутиной, и Энди ходила на них каждый год в первый день занятий: она беседовала с учителями, всем улыбалась, согласилась участвовать в празднике Дня благодарения, выписала чек для факультатива по струнным инструментам. *Мы с удовольствием работаем с Грейс, очень умная девочка, активная, лидер в школе, бла-бла-бла.*

Манетт с удовольствием ходила на эти встречи и радовалась, когда они заканчивались.

Потом они с девочками вышли из школы и обнаружили, что дождь пошел сильнее и со злобным шипением низвергается с обезумевшего неба.

– Вот что я тебе скажу, мама, – заявила Грейс, наблюдавшая за женщиной со сломанным зонтиком, которая почти бежала по улице, когда они остановились под козырьком у

входа. Грейс всегда с очень серьезным видом разговаривала со взрослыми. – На мне сегодня отличное платье, и оно почти не помялось, так что я смогу надеть его еще раз. Давай ты заберешь машину, подъедешь сюда, и я сяду тут.

– Хорошо, – ответила Энди, подумав, что им действительно нет смысла всем мокнуть.

– А я дождя не боюсь, – с вызовом сказала Женевьева. – Идем.

– Подожди меня вместе с Грейс, – предложила Энди.

– Не хочу. Грейс боится, что она от воды растает, старая ведьма, – ответила Женевьева.

Грейс посмотрела в глаза сестре и сложила указательный и большой пальцы так, как будто собиралась ее ущипнуть.

– Ма-ам! – заныла Женевьева.

– Грейс, – укоризненно проговорила Энди.

– Сегодня, едва ты уснешь, – прошептала Грейс, которая отлично умела управляться с сестрой.

В свои двенадцать лет, старшая и более высокая из сестер, еще нескладная, она уже начала превращаться в девушку. Очень серьезная, даже слишком, постоянно мрачная, словно ждала, что вот сейчас произойдет что-то ужасное, Грейс собиралась стать врачом.

Женевьева же была бойкой, легкомысленной и шумной и даже слишком хорошенькой. Уже сейчас, когда ей было девять, не вызывало сомнений, что мальчикам от нее не поздоровится. Причем многим. Но до этого еще было далеко. Сейчас она сидела на бетонном крыльце и пыталась оторвать подошву от кроссовки.

– Жен! – попыталась урезонить ее Энди.

– Она все равно оторвется, – ответила Женевьева, не поднимая головы. – Я тебе говорила, что мне нужны новые кроссовки.

По дорожке быстрым шагом прошел мужчина в плаще и с непокрытой головой, которую он опустил, пытаясь защититься от дождя. Дэвид Гердлер называл себя психотерапевтом и принимал активное участие в работе совета учителей и родителей. Жутко скучный тип, обожавший произносить сентенции *о надлежащей роли в жизни* и *бессознательном поведении*. Ходили слухи, что во время своих приемов он использует карты Таро. Гердлер всячески лебезил перед Энди.

– Доктор Манетт, – сказал он, кивнув и замедлив шаг. – Отвратительная сегодня погода.

– Да, – ответила Энди, но воспитание не позволило ей довольствоваться одним коротким словом, даже с человеком, который ей не нравился. – Говорят, дождь будет идти всю ночь.

– Да, я тоже слышал прогноз, – сказал Гердлер. – Послушайте, а вы видели «Тераподист» за этот месяц? Там есть статья о возвращении памяти…

Он еще пару минут что-то говорил, Энди машинально улыбалась, пока в конце концов Женевьева не заявила, причем очень громко:

– Мама, мы же опаздываем.

– Нам действительно нужно идти, Дэвид, – сказала Энди и исключительно из-за хорошего воспитания добавила: – Я обязательно посмотрю статью, о которой вы говорите.

– Конечно, рад был с вами поболтать, – ответил Гердлер.

Когда он вошел внутрь, Женевьева посмотрела ему вслед и, пародируя Богарта[5], прошептала:

– Что нужно сказать, мама?

– Спасибо, Жен, – улыбнувшись, ответила Энди.

– Не за что, мамочка.

[5] Хамфри Богарт (1899–1957) – американский актер, популярный в 1940–1950-х гг.

– Ладно, – сказала Энди. – Я добегу до машины.

Она посмотрела в сторону парковки и обнаружила, что около водительской дверцы ее машины стоит красный фургон, и ей придется обежать вокруг.

– Я с тобой, – заявила Женевьева.

– Я сяду впереди, – тут же сказала Грейс.

– Нет, я…

– Ты сидела впереди, когда мы ехали сюда, таракашка, – напомнила ей Грейс.

– Мам, она назвала меня…

Грейс снова сделала вид, будто собирается ущипнуть сестру, и тут вмешалась Энди:

– Ты сядешь назад, Жен. Ты ехала впереди утром.

– Или я тебя ущипну, – добавила Грейс.

Они побежали под дождем, Энди в туфлях на низком каблуке, держа за руку Женевьеву, у которой были короткие ноги, и она не поспевала за матерью. Энди выпустила руку Жен, когда они оказались за фургоном «Эконолайн», наставила ключ на свою машину, нажала кнопку и за шумом дождя услышала щелчки электронных замков.

Наклонив голову, она пробежала между своей машиной и фургоном, Жен отставала от нее всего на шаг, и они почти одновременно потянулись к ручкам двери.

Энди услышала, как в фургоне отъехала в сторону дверь; почувствовала присутствие мужчины и движение у себя за спиной. Она повернулась, одновременно по привычке приготовившись улыбнуться.

Но услышала, как вскрикнула Женевьева, обернулась и увидела, как к ней приближается диковинная круглая голова с копной грязных светлых волос.

Она увидела испещренное морщинами лицо, слишком для них молодое.

Увидела зубы, слюну и руки, похожие на две дубинки.

– Беги! – крикнула Энди.

И в этот момент мужчина ударил ее в лицо.

Энди поняла, что он собирался сделать, но не смогла увернуться. Она отлетела к дверце машины и сползла по ней, не устояв на ногах.

Она не ощутила боли, только удар о машину и его кулак, почувствовала, как мужчина повернулся, кровь на коже, уловила вонь грязного шершавого асфальта, залитого водой, когда она упала на ладони, и на короткое мгновение в ее голове мелькнула безумная мысль, что она испортила костюм. И тут мужчина отошел от нее на шаг.

Энди снова собралась крикнуть: «Беги», но с ее губ слетел только стон, и она почувствовала – а может быть, увидела, – что мужчина направился к Женевьеве. Энди попыталась закричать, издать хоть какой-то звук, любой, но из ее носа тут же потекла кровь, и в лицо, точно обжигающий огонь, ударила волна дикой боли.

Она услышала пронзительный крик Женевьевы и попыталась подняться, но сильная рука схватила ее за воротник пиджака, и она оказалась в воздухе, а в следующее мгновение почувствовала удар о металл. Женщина снова сползла по боку машины, на сей раз лицом вниз, попыталась подобрать колени и услышала, как хлопнула дверца машины.

Манетт уже почти не понимала, что происходит, сдвинулась в сторону и увидела лежащую Женевьву, которая была в крови с головы до ног. Она потянулась к дочери, которая собралась сесть, и увидела, что у нее блестят глаза. Энди собралась ее остановить, и вдруг сообразила, что она перепачкана не кровью, а чем-то другим: и тут Женевьева, которая находилась всего в нескольких дюймах от нее, крикнула:

– Мама, у тебя кровь!..

«Фургон», – подумала Энди.

Они были в фургоне. Как только Энди это сообразила, она с трудом встала на колени, но ее тут же отбросило назад, когда фургон под визг шин вылетел с парковки.

«Грейс нас увидит», – подумала Энди.

Она попыталась подняться и снова упала – фургон как раз резко повернул налево и остановился. Водительская дверь открылась, внутрь пролился свет, и Энди услышала крик, потом в сторону скользнула боковая дверь, и мужчина зашвырнул в фургон Грейс. Она упала прямо на Женевьеву, причем ее белое платье было перепачкано ржаво-красными пятнами, похожими на краску на фургоне.

Дверь снова захлопнулась, и фургон с ревом выскочил с парковки.

Женщина с трудом, помогая себе руками, поднялась на колени и попыталась понять, что происходит: Грейс кричала, Женевьева плакала, обе были перепачканы чем-то красным. А еще она поняла по запаху и вкусу на губах, что у нее *действительно* идет кровь. Она повернулась и увидела крупного мужчину, сидевшего за рулем и отделенного от них металлической сеткой. Она крикнула:

– Прекратите это, остановитесь! Прекратите! Стойте!

Однако водитель, не обращая на ее крики ни малейшего внимания, завернул за угол, потом повернул еще раз.

– Мама, мне больно, – сказала Женевьева, и Энди посмотрела на дочерей, которые стояли на четвереньках.

На лице Грейс застыло грустное выражение побитой собаки; она словно знала, что когда-нибудь этот мужчина за ней придет.

Энди посмотрела на дверцы фургона в надежде отыскать возможность выбраться, но вместо ручек обнаружила надежно привинченные металлические пластины. Она перекатилась назад и изо всех сил ударила ногой в дверь, но та даже не дрогнула. Энди не сдавалась и продолжала упрямо бить по ней ногами, потом к ней присоединилась Грейс, за ней Женевьева, но дверь не поддавалась. Женевьева вдруг завизжала и никак не могла остановиться. Энди колотила ногами по двери, пока у нее не закружилась от усилий голова, и, задыхаясь, она повторила три или четыре раза, обращаясь к Грейс:

– Мы должны выбраться, должны выбраться, должны выбраться…

В этот момент мужчина на переднем сиденье начал хохотать, громко, как смеются дети на карусели, и его голос заглушил крики Женевьевы; этот жуткий смех в конце концов заставил всех троих замолчать, и они увидели в зеркале глаза похитителя, когда он сказал:

– Вам отсюда не выбраться. Я об этом позаботился. Я все знаю про двери без ручек.

Они в первый раз услышали его голос, и девочки отшатнулись, словно от удара. Энди с трудом поднялась на ноги, но ей пришлось наклонить голову в низком фургоне, и только сейчас она сообразила, что потеряла туфли и сумочку. Впрочем, она увидела сумочку на переднем пассажирском сиденье. Интересно, как она туда попала? Энди попыталась восстановить равновесие, ухватившись руками за металлическую сетку, и ударила ногой в боковое окно. Ее пятка попала в стекло, и оно треснуло.

Фургон тут же съехал на обочину, остановился, мужчина повернулся к Энди, поднял пистолет калибра 0.45 и злобно прорычал:

– Разобьешь мое гребаное окно, и я прикончу твоих гребаных детей.

Энди видела только половину его лица, но неожиданно ей пришла в голову мысль, что она знает этого человека. Только вот выглядел он иначе. Где она его видела? Энди снова опустилась на пол фургона, а мужчина взялся за руль, и фургон отъехал от тротуара.

– Разбей мое долбаное окно… – бормотал он. – Разбей мое окно…

– Кто вы? – спросила Энди.

Ее вопрос, казалось, разозлил его еще сильнее. *Кто же он такой?*

– Джон, – ответил он сердито.

– Джон, *а дальше*? Чего вы хотите?

Какой Джон? Черт возьми, какой Джон?

– Ты знаешь, какой, черт возьми, Джон.

У Грейс из носа шла кровь, в глазах застыл животный страх; Женевьева скорчилась в углу, и Энди безо всякой надежды спросила:

– Джон, а дальше?..

Мужчина оглянулся через плечо, и женщина увидела, что в его глазах вспыхнула ненависть; потом он поднял руку и стянул с головы парик из светлых волос.

Прошло полсекунды, и Энди выдохнула:

– О нет, только не Джон Мэйл…

Глава 02

Невероятно холодный дождь скорее раздражал, чем был настоящей непогодой. Случись такое двумя месяцами позже, на улицах бушевал бы настоящий ледяной ураган, и на тротуарах лежал бы слой снежно-ледяной каши по щиколотку, ходить по которой – настоящее испытание. Марси Шерилл много раз доводилось работать в таких условиях, и ей это совсем не нравилось, поскольку постоянно приходилось помнить о мерзостях вроде ледяных надолбов, присыпанных снегом, и прочем. Зато дождь, пусть и очень холодный, смывал с улиц грязь. Шерилл посмотрела на ночное небо и подумала: «Иногда в нашей жизни случаются и *маленькие радости*».

Она стояла в свете фар машины криминалистов, засунув руки в карманы плаща и глядя на ноги мужчины, лежавшего на земле. Они торчали из-под задней дверцы «Лексуса» кремового цвета, с сиденьями из натуральной кожи. Каждые несколько секунд ноги конвульсивно дергались.

– Что ты там делаешь, Хендрикс? – спросила она.

Мужчина ответил что-то неразборчивое.

Напарник Шерилл наклонился, чтобы расслышать его ответ.

– Мне кажется, он сказал: «Душу́ цыпленка». – Дождь стекал с его шляпы, но каким-то непостижимым образом не попадал на кончик абсолютно сухой сигареты. Он подождал реакции мужчины, лежавшего под машиной, – прямо истинный христианин, – но ничего не дождался и пробормотал, выпрямляясь: – Вонючий придурок.

– Скорей бы это дерьмо закончилось, – сказала Шерилл и снова посмотрела на небо.

«“Нэшнл энквайерер”[6] был бы от этого в восторге», – подумала она. Такое небо вполне может создать образ Сатаны. Рваные черные тучи проносились сквозь огни Петли, подсвеченные снизу уродливым алым мерцанием полицейских машин.

Дальше по улице, за их строем, стояли фургоны телевидения, которые терпеливо не обращали внимания на потоки дождя, а репортеры толпились вокруг, глядя на Шерилл и копов, стоявших около «Лексуса». Наверняка простые операторы и журналисты, в то время как настоящие таланты прятались внутри, чтобы не испортить макияж.

Марси, дрожа от холода, опустила голову и смахнула капли воды с бровей. Когда-то у нее была клеенчатая шляпа от дождя, но она ее потеряла на каком-то другом месте преступления во время очередного ливня или дождя со снегом, или… Рано или поздно, она все равно промокала до нитки, и неважно от чего.

– Зря шляпу не взяла, – сказал ее напарник, которого звали Том Блэк и который был голубым, но не слишком это афишировал. – Или зонтик.

Когда-то у них и зонтик был, но его они тоже потеряли. Или, что более вероятно, его прибрал к рукам кто-то из копов, умевших отличить классный зонт от паршивого. Шерилл чувствовала, как ледяная вода стекает ей за шиворот, и жутко злилась, потому что часы показывали половину седьмого, она работала, а ее муж развлекал своими суперостроумными шуточками официантку в «Эпплби».

А еще Шерилл раздражало, что Блэк был совершенно сухим и не мерз, в то время как она промокла насквозь, а он даже не предложил ей шляпу, несмотря на то, что она женщина.

Но еще больше ее злило то, что если бы он ей предложил шляпу, она бы отказалась, потому что была одной из двух женщин в убойном отделе и никак не могла отделаться от желания доказывать всем вокруг, что она в состоянии за себя постоять, хотя прослужила в полиции двенадцать лет, в форме и гражданской одежде, работала под прикрытием и занима-

[6] Американский бульварный таблоид.

лась наркотиками и преступлениями на сексуальной почве, – и вот теперь наконец перешла в убойный.

– Хендрикс, – сказала она, – я хочу поскорее убраться с этого проклятого дождя…

Со стороны улицы донесся новый звук – машина, мчавшаяся на огромной скорости, начала тормозить. Шерилл посмотрела через плечо Блэка и проворчала:

– Ух!

Черный «Порше 911» притормозил у тротуара, где стояли копы, не пускавшие на место преступления посторонних, и два оператора тут же принялись его снимать, а один из парней в форме показал на фургон телевизионщиков. «Порше» промчался по подъездной дорожке на парковку, быстрый, точно ласка.

– Дэвенпорт, – проговорил Блэк, который повернулся посмотреть, кто прибыл.

Блэк, невысокий, какой-то весь округлый, с носом картошкой и щеточкой усов, всегда обладал поразительным спокойствием, кроме тех случаев, когда говорил про президента Соединенных Штатов, которого называл *дерьмоголовый социалист,* а иногда *траханный фашист,* в зависимости от настроения в тот момент.

– Плохие новости, – сказала Марси.

Струйка воды стекла с ее волос и побежала по спине. Шерилл была высокой, стройной женщиной с длинным носом, вьющимися черными волосами, соблазнительной грудью и секретом, благодаря которому все мужчины отдела считали ее невероятно привлекательной.

– М-м-м-м, – протянул Блэк и поинтересовался: – Ты с ним уже переспала? Я про Дэвенпорта.

– Нет, конечно, – ответила Шерилл. Блэк имел сильно преувеличенное представление о ее сексуальной жизни. – Я даже не пыталась.

– А ты попытайся, а то опоздаешь, – заявил Блэк. – Он собирается жениться.

– Правда?

«Порше» остановился поперек одной из четких линий, которыми была расчерчена парковка, дверь резко открылась, и фары погасли.

– Ну, так говорят, – сказал Блэк и отбросил окурок в траву за границей парковки.

– Муж из него получится никудышный, – сказала Шерилл.

– Можно подумать, Майк – образец семьянина.

Майк был мужем Шерилл.

– Я с ним справляюсь, – ответила Марси. – Интересно, что Дэвенпорт…

Неожиданно «Лексус» озарила яркая вспышка, и ноги, торчавшие из-под него, дернулись.

– Проклятие! – вскрикнул Хендрикс.

Шерилл посмотрела на землю.

– Что?

– Меня чуть не прикончило током, – ответил он из-под машины. – Этот дождь… настоящая заноза в заднице.

– Эй, ты бы последил за тем, что говоришь, – заявил Блэк. – Тут все-таки дама.

– Извините, – донесся снизу приглушенный голос.

– Вылезай и покажи уже нам проклятую туфлю. – Шерилл пнула ногу Хендрикса.

– Прекрати, черт побери! Я пытаюсь разобраться.

Шерилл посмотрела на другой конец парковки и увидела, что Дэвенпорт направляется к ним широкими, уверенными шагами, ужасно похожий на профессионального спортсмена, – руки в карманах плаща, хлопающего по ногам. Она подумала, что в своем дорогом мохеровом костюме, со шрамами от пуль он похож на большого, широкоплечего мафиози прямиком из фильма, действие которого происходит в Нью-Йорке.

Или, может, он индеец или испанец? Только вот бледно-голубые глаза и кривая улыбка явно из другой оперы. Ее снова передернуло.

– Да уж, от него действительно исходит какое-то… – Шерилл попыталась найти подходящее слово. – Вибрация, что ли?

– Ага, почувствовала, – спокойно сказал Блэк.

Неожиданно Марси представила Блэка и Дэвенпорта в постели – волосатые плечи, сильные тела – и мимолетно улыбнулась. Том, который прекрасно умел читать ее мысли, сказал:

– Да иди ты.

Капюшон плаща заместителя шефа полиции Лукаса Дэвенпорта сворачивался, как у парки; он его развернул, шагая по парковке, и натянул на голову, и Шерилл подумала, что он стал похож на монаха. Ему тоже было тепло и сухо, как и Блэку. Она уже собралась что-нибудь сказать, когда Дэвенпорт протянул ей кепку цвета хаки.

– Надень, – проворчал он. – Ну, что тут у нас?

– Под машиной лежит туфля, – ответила Шерилл, натянула кепку и сразу почувствовала себя значительно лучше, когда дождь перестал заливать ей лицо. – И другая на парковке. Видимо, ее сильно ударили, если она потеряла обе туфли.

– Очень сильно, – добавил Блэк.

У Лукаса, высокого мужчины с широкими мощными плечами и руками боксера, покрытыми шрамами, было лицо драчуна и поразительные голубые глаза. На смуглой коже выделялся тонкий белый шрам, как от лезвия бритвы, пересекающий лоб и правую глазницу. И еще один, круглый и сморщенный, на шее, точно приплюснутая жевательная резинка, – рана от пули и след трахеотомии, сделанной складным ножом, – только сейчас начал светлеть. Дэвенпорт присел на корточки рядом с торчавшими из-под машины ногами и сказал:

– Вылезай, Хендрикс.

– Сейчас, еще минута. Вы все равно не получите туфлю, на ней кровь.

– Давай поскорее, – сказал Лукас и встал.

– Вы поговорили с Гердлером? – спросила Шерилл.

– А это кто?

– Свидетель, – ответила она, неожиданно обрадовавшись, что у нее хорошие духи – «Наваждение».

– Я был в Стиллуотере, – покачав головой, сказал Лукас. – На обеде. По дороге сюда мне звонили каждые пять минут самые разные люди и говорили про важность этого дела. Но больше мне ничего не известно, и я не знаю, что тут произошло.

– Женщина… – начал Блэк.

– …Манетт, – перебил его Лукас.

– Да, Манетт и ее дочери, Грейс и Женевьева, шли из школы после родительского собрания. Мать и одну из дочерей захватили и посадили в красный фургон. Мы не знаем, каким образом это было проделано – использовал ли похититель слезоточивый газ, силу или угрозу оружием. В любом случае через несколько секунд с крыльца, вон оттуда, стащили вторую дочь. – Блэк показал в сторону школы. – Мы думаем, что произошло следующее: мать и Женевьева побежали к своей машине под дождем, и их там схватили. Старшая дочь ждала на крыльце, когда они ее заберут.

– Почему она не убежала? – спросил Лукас.

– Неизвестно, – ответила Шерилл. – Возможно, знала похитителя.

– Где находились свидетели?

– Внутри школы. Один – взрослый мужчина, что-то вроде психотерапевта, второй – ребенок. Ученица. Они стали свидетелями того, как Грейс Манетт затолкали в фургон. Но

они утверждают, что мать была жива и стояла на четвереньках в фургоне, на ее лице они заметили кровь. Младшая дочь лежала лицом вниз на полу фургона, вся в крови. Никто не слышал выстрелов. Никто не видел пистолета. Свидетели разглядели только одного мужчину внутри, но, возможно, был и второй. Мы не понимаем, как один человек мог захватить сразу троих – мать и двух дочерей – без посторонней помощи. Если только он сначала не избил их до потери сознания.

– Хм-м-м. Что еще?

– Мужчина белый, – продолжала Шерилл. – Фургон с выступающим капотом, мотор впереди, а не под кабиной. Мы думаем, что это, возможно, «Эконолайн», «Шевроле Джи10» или «Додж Б150»… в общем, что-то вроде того. Никто не заметил номера.

– Как скоро нам сообщили о случившемся? – спросил Лукас.

– Из-за переполоха прошло несколько минут, прежде чем кто-то сообразил набрать 911. Наша машина прибыла на место тоже через три или четыре минуты. Звонивший говорил неуверенно, как будто сомневался, что совершено преступление. Потом, наверное, еще через пять минут мы объявили перехват машины.

– Значит, этот тип успел уехать примерно миль на десять, прежде чем его начали искать, – сказал Лукас.

– Вроде того. Он исчез средь бела дня, – подтвердил Блэк.

Они стояли и некоторое время думали о том, что произошло, и тишину нарушал лишь шорох дождя, падавшего на их шляпы.

– Кстати, а что вы здесь делаете? – спросила Шерилл.

Дэвенпорт вынул из кармана правую руку и сделал какой-то странный жест. Шерилл догадалась, что он перекатывает что-то между пальцами.

– Это может быть… непростым делом, – сказал Лукас и посмотрел в сторону школы. – Где свидетели?

– Психиатр в кафетерии, – ответила Шерилл. – Где ребенок, не знаю. С ними разговаривает Грив. А почему это может оказаться непростым делом?

– Потому что замешаны очень богатые люди, – посмотрев на нее, пояснил Дэвенпорт. – Похищенная женщина – дочь Тауэра Манетта.

– Я знаю, – проговорила Марси и нахмурилась. – Нам с Блэком поручили расследование, и лишнее внимание совсем не входит в наши планы. Мы еще не закончили то дерьмо с доведением до самоубийства…

– Можете расслабиться, вам его никогда не прижать, – перебил ее Лукас.

– Меня это просто бесит, – заявила Шерилл. – Ему и в голову не приходило, что его старушка должна с собой покончить, пока он не связался со своей милкой. Я знаю, что он ее убедил…

– Милкой? – переспросил Лукас, ухмыльнулся и посмотрел на Блэка.

– Она у нас мастер слова, – объяснил Том.

– Меня это бесит, – повторила Марси и спросила: – А чем занимается Тауэр Манетт? Дергает за политические веревочки?

– Точно, – подтвердил Дэвенпорт. – Муж Манетт и отец девочек, как выяснилось, – Джордж Данн. Я этого не знал. «Норт лайт девелопмент». Республиканская партия. Куча денег.

– А Манетты демократы, – мрачно проговорил Блэк. – Боже праведный, нас обложили со всех сторон.

– Бьюсь об заклад, наша шефиня обделалась от страха из-за этой политической хрени, – заявила Марси.

– Совершенно верно, – кивнув, сказал Лукас. – Психотерапевт сможет описать похитителя?

Шерилл с сомнением покачала головой.

– Грив сказал мне, что он почти ничего не видел, только самый конец. Я с ним мало разговаривала, но у меня сложилось впечатление, что он какой-то… подозрительный.

– Просто здорово. И Грив его допрашивает?

– Угу.

На мгновение все трое замолчали. Никто не сказал ничего вслух, но все знали, что Грив не лучший специалист по допросам. На самом деле он вообще не умел их проводить. Лукас сделал шаг в сторону школы, и Шерилл сказала ему в спину:

– Это сделал Данн.

В девяноста процентах подобных случаев она была бы права, но Лукас остановился, повернулся и покачал головой.

– Не говори ничего такого вслух, Марси, потому что, возможно, он действительно это сделал. – Он продолжал вертеть в руке какой-то невидимый предмет. – Я не хочу, чтобы сложилось впечатление, будто мы набросились на него без веских улик.

– А у нас вообще есть какие-нибудь улики? – спросил Том.

– Никто ничего не говорит, но Данн и Энди Манетт только что расстались, – ответил Дэвенпорт. – Мне кажется, здесь замешана другая женщина. И все же…

– Ведите себя вежливо, – перебила его Шерилл.

– Именно. Со всеми. Попытайтесь их прижать, но культурно, – сказал Лукас. – И… не знаю. Если похититель Данн, тогда у него был сообщник.

– Кто-то должен за ними присматривать, пока он разговаривает с полицией, – кивнув, сказала Марси.

– Если только он не увез их куда-нибудь и не убил, – проговорил Блэк.

Однако никто не хотел думать о таком развитии событий. Все одновременно подняли головы, и дождь тут же залил их лица. В этот момент под металлический грохот из-под машины показался Хендрикс, и все посмотрели вниз. Он лежал на платформе на колесиках и в своем белом комбинезоне механика и очках со стеклами размером с пятицентовик был похож на крота-альбиноса.

– На туфле пятно крови… я *думаю,* что это кровь. Так что поаккуратнее с ней, – сказал он Шерилл и вручил ей прозрачный пакет.

Марси осмотрела черную туфлю на невысоком каблуке и проговорила:

– У нее хороший вкус.

Лукас продолжал вертеть что-то между средним и безымянным пальцем, потом рассеянно подцепил на кончик указательного.

– А может, это кровь ублюдка.

– Вряд ли, – не согласился с ним Блэк.

Он помог Хендриксу подняться на ноги, а Дэвенпорт нахмурился и сказал, показав на брючину комбинезона:

– Это еще что за дерьмо?

В свете фар фургона криминалистов все увидели розовое пятно, выделявшееся на белом фоне, словно Хендрикс поранил щиколотку.

– Господи, – выдохнул Блэк и тут же подтянул повыше собственные брюки. – Кровь.

«Крот» опустился на колени, вытащил из кармана бумажную салфетку и положил на асфальт. Когда она промокла, он взял ее и поднес к фаре. Салфетка стала розового цвета.

– Похоже, они капитально ее отделали, – проговорила Шерилл.

Хендрикс покачал головой.

– Это не кровь, – сказал он, поднял салфетку повыше и осмотрел на свет.

– Тогда что?

Лаборант пожал плечами.

– Краска. Может быть, химикат для обработки лужаек. Но определенно не кровь.

– Уже кое-что, – сказала Шерилл, казавшаяся особенно бледной в свете фар. Она посмотрела на свои туфли. – Что-то мне не хочется тут разгуливать. Если не стереть эту дрянь сразу, она прилипнет.

– Но на туфле кровь? – спросил Дэвенпорт у Хендрикса.

– Думаю, да, – ответил тот.

Марси наблюдала за тем, как Лукас продолжает вертеть в руках непонятный предмет, и наконец сообразила, что это.

– Кольцо? – спросила она.

Дэвенпорт быстро убрал руку в карман плаща, и ей показалось, что он покраснел.

– Наверное.

– Наверное? Вы не знаете точно? – Она протянула мешок с туфлей Блэку. – Помолвка?

– Угу.

– Можно взглянуть? – Марси подошла поближе и совершенно сознательно посмотрела на него с вызовом.

– Зачем? – Он сделал шаг назад, но спрятаться было негде.

– Хочу стырить вонючий камень, – ответила Шерилл нетерпеливо и добавила уже более миролюбиво: – Потому что мне интересно, почему бы еще?

– Лучше покажите ей, – вмешался Том. – Иначе она до утра будет к вам приставать…

– Заткнись! – рявкнула Шерилл. Блэк заткнулся, а Хендрикс даже сделал шаг назад. – Ну же, дайте посмотреть. Пожалуйста.

Лукас неохотно вынул руку из кармана и уронил кольцо на ее ладонь. Марси повернулась вполоборота, чтобы разглядеть его в свете фар.

– Боже праведный, – с благоговением выдохнула она и посмотрела на Блэка. – Бриллиант тут больше твоего члена.

– Только совсем не такой тверденький, – заметил тот.

«Крот» печально покачал головой. Такие разговоры между неженатыми мужчинами и незамужними женщинами являлись очередным доказательством того, что мир катится в тартарары и конец света уже не за горами.

Вся компания отправилась под дождем к школе, при этом Хендрикс поглядывал на небо, пытаясь отыскать там признаки появления Бога или Люцифера; Блэк нес окровавленную туфлю; Лукас шагал, опустив голову, а Шерилл с удивлением размышляла о бриллианте в форме слезы в три карата, не меньше, который ослепительно сверкал в свете фар.

Стены школьной столовой украшали нарисованные от руки персонажи из «Веселых мелодий»[7], но, несмотря на это, она производила мрачное впечатление и была похожа на бетонный бункер с окнами, расположенными так высоко, что, судя по всему, не предполагалось, что в них кто-нибудь будет смотреть.

Боб Грив сидел за слишком маленьким для него столиком на слишком маленьком стуле, пил диетическую колу и что-то записывал в блокнот. На нем был ржавого цвета костюм итальянского покроя и легкий бежевый плащ из микрофибры. Рядом с ним на таком же маленьком стульчике пристроился худой мужчина в плаще, и его костлявые колени торчали, как у Икабода Крейна[8]. Он походил на ветку дерева, которая вот-вот сломается.

Заместитель шефа полиции вошел в двойную дверь; Блэк, Шерилл и Хендрикс следовали за ним, точно мокрые утята.

– Привет, Боб, – поздоровался Лукас.

[7] Мультсериал киностудии «Уорнер бразэрс».

[8] Икабод Крейн – герой новеллы «Легенда о Сонной лощине» Вашингтона Ирвинга.

– Та самая туфля? – спросил Грив, взглянув на пакет в руках Блэка.

– Нет, это Тома, – ответил Дэвенпорт за полсекунды до того, как вспомнил о сексуальных предпочтениях Блэка, и с трудом скрыл смущенный смешок.

Однако Том, судя по всему, ничего не заметил, а мужчина, который слегка подергивался, будто не мог усидеть на месте, спросил:

– Вы шеф Дэвенпорт?

– Ну да, – ответил, кивнув, Лукас.

– Мистер Грив… – мужчина показал глазами на детектива, – потребовал, чтобы я вас дождался. Но мне больше нечего рассказать. Так что могу я уже уехать?

– Я хочу послушать вашу историю, – сказал Лукас.

Гердлер быстро сообщил, что произошло. Он пришел в школу, чтобы поговорить с председателем совета о плане работы родительского комитета и встретил миссис Манетт и ее дочерей перед дверью школы под навесом. Миссис Манетт хотела с ним посоветоваться по поводу одной проблемы – она тоже психотерапевт, как и он. Они несколько минут поболтали, и он вошел внутрь.

Пройдя полпути по коридору и завернув за угол, Гердлер вспомнил про статью из журнала, о которой она его спрашивала. Он решил вернуться и, когда находился примерно в пятидесяти или шестидесяти футах от двери, увидел, как какой-то мужчина схватил дочь Манетт.

– Он затолкал ее в фургон, обошел его и уехал, – закончил рассказ Гердлер.

– И вы видели девочек в фургоне?

– М-м-м-м, да… – ответил он и отвел глаза. Лукас сразу понял, что он врет. – Обе лежали на полу. Миссис Манетт сидела, на ее лице я заметил кровь.

– Что вы сделали? – спросил Дэвенпорт.

– Я побежал по коридору к двери, решил, что, может, сумею остановить преступника. – Гердлер снова отвел глаза. – Но я опоздал. Он уже ехал по дорожке. Я уверен, что номера у него миннесотские. Красный фургон, раздвижные двери. Крупный, довольно молодой мужчина. Не толстый, но мускулистый. В джинсах и футболке.

– Вы не разглядели лица?

– Мне не удалось. Но у него были длинные светлые волосы, как у тех, кто помешан на рок-н-ролле. До самых плеч.

– Хм-м-м. И все?

– Мне казалось, что это немало, – с обиженным видом заявил Гердлер. – Я погнался за преступником, но он уехал. Тогда я бегом вернулся назад и попросил секретаршу позвонить в полицию. Если вы его не поймали, моей вины тут нет.

– Насколько я понимаю, здесь находилась девочка, которая тоже все видела, – улыбнувшись, проговорил Лукас.

– Сомневаюсь, что она вам сможет много рассказать, – заявил Гердлер и пожал плечами. – У меня сложилось впечатление, что она растерялась. Да и вообще, скорее всего, не отличается большим умом.

Дэвенпорт повернулся к Гриву, который сказал:

– Я вытянул из нее все, что смог. Она говорит примерно то же самое, что мистер Гердлер. Мать девочки сильно расстроена.

– Отлично.

Лукас еще минут десять провел в столовой, закончил с Гердлером, потом поговорил с Гривом и другими полицейскими.

– Да уж, не густо, – сказал он.

– Только кровь, – согласилась с ним Шерилл. – Но мы про нее и так знали от Гердлера и девочки.

– А красная дрянь на парковке? – спросил Хендрикс, глядя на мокрую салфетку. – Могу спорить, что это какая-то растворимая в воде краска, которой он попытался замаскировать фургон.

– Ты так думаешь?

– Все говорят, что он был красным, и тут у нас что-то красное. Такая вероятность существует, только я не понимаю…

– Чего?

Крот почесал голову.

– Почему похититель проделал все именно так? Почему средь бела дня, да еще трех человек? Может быть, он совершил ошибку или какой-нибудь наркоман действовал под влиянием момента. Если второе, почему миссис Манетт? Он наверняка знал, кто она такая… если только не заявился сюда потому, что это школа для детей богатых родителей, и он решил, что дождется подходящего момента и захватит кого-нибудь, все равно кого. И тут увидел «Лексус».

– В таком случае почему он не взял только ребенка? Тому, кто хочет получить выкуп, не нужны родители. Они же должны передать деньги, – заметил Блэк.

– Похоже на действия придурка, – сказала Шерилл, и все дружно закивали, соглашаясь.

– Возможно, в этом как раз и заключается ответ – миссис Манетт психиатр. Может быть, он был ее пациентом. Псих, короче говоря, – заявил Блэк.

– Как бы там ни было, надеюсь, похищение спланировано и совершено ради денег, – сказал Лукас.

– Да? – спросил Хендрикс и с интересом на него посмотрел. – Почему?

– Потому что если это какой-нибудь наркоман или мелкий гангстер, который не собирался их похищать и сделал это под влиянием минуты, значит, их уже где-то выбросили из фургона…

– И они мертвы, – договорила за него Марси.

– Именно. – Лукас оглядел коллег. – Если похищение не спланировано, Энди Манетт и ее дочерей уже нет в живых.

Глава 03

Шеф полиции жила в бунгало из красно-коричневого кирпича, построенном в 1920-х, в лесистом районе к востоку от озера Харриет в Миннеаполисе, по соседству с другими городскими чиновниками; в доме, купить который в 1978 году мог лишь человек подходящего возраста.

Из-за входной двери доносился рев футбольного матча, который показывали по телевизору, но примерно через минуту после того, как Лукас нажал на кнопку звонка, ему открыл мужчина – это был муж главы полиции, – и принялся, близоруко щурясь, вглядываться в гостя; на лбу у него красовались очки.

– Заходи, – пригласил он и пошире распахнул дверь. – Роуз Мари в кабинете.

– Как она? – спросил Лукас.

– Расстроена.

Высокий лысеющий адвокат был в жилете на пуговицах, и от него едва различимо пахло трубочным табаком. Лукасу он напоминал Эдлая Стивенсона[9]. Он прошел за ним по дому, представлявшему собой уютное скопление слишком мягких диванов и стульев и дубовой мебели, сделанной в начале века, – обстановка, которая могла быть унаследована от богатых родителей-фермеров.

Роуз Мари Рукс, глава полиции Миннеаполиса, курила, сидя в своем кабинете в мягком раскладном кресле с подставкой для ног. Она была в темно-синем деловом костюме и белых спортивных носках.

– Скажи мне, что ты их нашел, – заявила она и вытянула пальцы ног в сторону Лукаса.

– Ясное дело, они отправились за покупками в «Молл оф Америка»[10], – ответил Лукас и плюхнулся в кресло, стоявшее напротив. – С ними все в полном порядке, и Тауэр Манетт собирается предложить твою кандидатуру в сенат.

– Ну да, ну да, – мрачно проговорила Рукс, а ее муж покачал головой. – Рассказывай, – велела она.

– Ее ударили так сильно, что она потеряла туфли, и на одной мы обнаружили кровь, – начал Лукас. – У нас есть свидетель, который утверждает, что Энди Манетт и младшая из дочерей были с ног до головы в крови, хотя существует вероятность, что это что-то другое – например, краска. Еще у нас имеется описание типа, который на них напал…

– Нарушителя, – перебил его муж Рукс.

Лукас и Роуз Мари одновременно на него посмотрели, поскольку он не входил в зал заседаний суда с тех пор, как ему исполнилось двадцать пять. Полицейской лексики он набрался из телевизора.

– Да, преступника, – подтвердил Дэвенпорт и добавил, обращаясь к Роуз Мари: – Но оно нам много не даст – крупный, сильный, грязные светлые волосы.

– Вот черт. – Рукс затянулась, выпустила дым в потолок и добавила: – Завтра заявятся парни из ФБР…

– Я знаю. Лестеру звонил представитель информационного центра их отделения в Миннеаполисе и спрашивал, собираемся ли мы классифицировать случившееся как похищение, – сказал Лукас. – Лестер ответил, что, скорее всего, так и будет. Мы прослушиваем телефоны в офисе и доме Тауэра Манетта. А также в офисах и домах Данна и Энди Манетт.

– Я уверен, что это похищение, – заявил муж Рукс, с удовольствием включившись в разговор. – Ничего другого не может быть.

---

[9] Эдлай Эвинг Стивенсон I (1835–1914) – американский политик и 23-й вице-президент США с 1893 по 1897 г.

[10] Один из крупнейших торговых центров США.

Лукас посмотрел на него и сказал:

– Существует вероятность, что речь идет о психе – Манетт работает психиатром. Возможно, убийство. Например, из-за проблем между супругами или вообще в семье. Там полно денег, значит, и мотивов достаточно.

– Мне даже думать об этом не хочется, – сказала Рукс. – А что Данн?

– С ним разговаривал Шаффер. Алиби у него нет… ну, по крайней мере, надежного. Однако нам известно, что в фургоне был не он. Данн говорит, что находился в своей машине – у него там имеется телефон, но он им не пользовался в те полчаса, когда совершено похищение.

– Да уж… Ты с ним не знаком? Я про Данна, – спросила Рукс.

– Нет, собираюсь съездить к нему сегодня вечером.

– Он крутой парень. Но не сумасшедший. По крайней мере, не был, когда я видела его в последний раз.

– Супружеские разборки, – снова предположил Лукас.

– Он из тех, у кого семейных проблем навалом, – подтвердила Роуз Мари. – Но до сих пор он с ними справлялся. Такие вещи не выводят его из состояния равновесия. – Она со стоном выбралась из мягкого кресла. – Пошли, у нас назначена встреча.

Дэвенпорт взглянул на часы и обнаружил, что уже восемь.

– Где? Я собирался поговорить с Данном.

– Нам нужно сначала побеседовать с Тауэром Манеттом. У него дома, у Озера островов[11].

– А я тебе там нужен?

– Нужен. Он позвонил мне и спросил, собираюсь ли я передать это дело тебе. Я сказала, что уже передала. Он хочет с тобой встретиться.

Рукс сняла спортивные носки, надела колготки и туфли на невысоком каблуке, и они отправились на «Порше» Дэвенпорта к Озеру островов; поездка заняла у них пять минут.

– Твой муж назвал похитителя «нарушителем», – сказал Лукас.

– Я все равно его люблю, – ответила она.

Дом Манетта, в стиле «домов прерий»[12], был местной достопримечательностью и располагался на западном берегу озера, над ведущей вверх извивающейся дорогой, вдоль которой шла стена из плитняка. В свете фар Лукас успел разглядеть яркие цвета позднего лета, раскрасившие сад. В доме, из такого же коричневого кирпича, как и дом Рукс, выстроенном на трех выступающих уровнях, повсюду горел свет; он пробивался сквозь ветви вечнозеленых деревьев под окнами и пятнал подъездную дорогу.

– Никто не спит, – сказал Лукас.

– Она его единственный ребенок.

– Сколько ему сейчас?

– Думаю, семьдесят, – ответила Рукс. – И у него проблемы со здоровьем.

– Сердце?

– У него была аневризма… кажется, прошлой весной. А через несколько дней после того, как с ней разобрались, случился небольшой удар. Считается, что Тауэр полностью поправился, но он очень изменился, стал каким-то… хрупким, что ли?

– Ты с ним хорошо знакома.

– И очень давно. Они с Хамфри возглавляли партию в шестидесятых и семидесятых.

---

[11] Озеро островов – озеро в юго-западной части Миннеаполиса.

[12] Приземистые особняки с пологой кровлей и широкими выступающими карнизами.

Дэвенпорт поставил машину рядом с зеленой «Маздой Миата»; Рукс с трудом выбралась наружу, взяла сумку, хлопнула дверью и заявила:

– Мне нужна большая машина.

– «Порше» – отвратительная привычка, – согласился с ней Лукас, когда они поднялись на крыльцо.

За стеклянной входной дверью стоял мужчина в сером деловом костюме и с профессионально печальным лицом гробовщика. Увидев, что женщина потянулась к звонку, он открыл дверь и почти что шепотом представился:

– Ральф Энрайт, шеф. Мы с вами разговаривали на Благотворительном балу.

– Разумеется, я помню, как дела? – ответила Рукс. – Я не знала, что вы с Тауэром друзья.

– Ну, он попросил меня выступить в роли консультанта, – сообщил Энрайт, который выглядел так, будто утром его натерли воском.

– Отлично, – сказала Роуз Мари и кивнула, показывая, что он свободен. – Тауэр здесь?

– Да, – ответил Энрайт и посмотрел на Лукаса. – А вы…

– Лукас Дэвенпорт.

– Да, конечно, следуйте за мной.

– Адвокат, – едва слышно сказала Рукс, когда Энрайт повел их внутрь дома, и Дэвенпорт заметил, что свет отражается от его волос. – Мальчик на побегушках.

Дом был отделан в изысканном стиле, с восточными коврами и мебелью ручной работы. Легкий налет ар-деко придавал ему великолепия и отражался в художественных репродукциях тридцатых годов. Лукас не разбирался в искусстве и декорировании домов, но здесь даже стены испускали запах денег. *Его* он знал хорошо.

Энрайт провел их в огромную центральную гостиную с двумя соединяющимися группами диванов и стульев. Трое мужчин в костюмах разговаривали стоя. Две женщины сидели на стульях лицом друг к другу. Все присутствующие выглядели так, будто готовились к тому, что их сейчас будут фотографировать.

– Роуз Мари… – Тауэр Манетт направился прямо к ним – высокий мужчина с изящными высокими скулами и характерной копной седых волос, спадающих на брови, напоминающие мохнатых бабочек.

Другого мужчину, загорелого, с плотно сжатыми челюстями, Лукас знал. Он был старшим агентом в отделении ФБР Миннеаполиса. Третий, Дэнни Купичек, коп, занимавшийся сбором информации, работал с Дэвенпортом во время специальных расследований.

– Шефы, – сказал он.

Двух женщин Лукас никогда не встречал.

– Спасибо, что приехали, – поблагодарил их Манетт, который оказался более худым и бледным, чем когда Лукас видел его по телевизору, но в его умных глазах не погас боевой дух. Французского покроя костюм был консервативным, с зауженной талией, а галстук вполне мог бы выбрать президент Франции, – привлекательный мужчина, любимец женщин.

Однако уголок его рта дрожал, когда Манетт потянулся к Рукс, а когда пожимал руку Лукасу, тот заметил, какая она у него холодная и тонкая, с обвислой кожей, испещренной венами.

– И Лукас Дэвенпорт, я много про вас слышал. Есть какие-нибудь новости? Давайте перейдем в библиотеку. Друзья, я скоро вернусь.

В библиотеке, маленькой четырехугольной комнате, на полках стояли переплетенные в кожу книги с коричневыми, темно-красными и зелеными обложками с золотым тиснением. Они были расставлены по темам: классика, мысли, идеи, сражения и великие люди.

– У вас потрясающая библиотека, – сказал Дэвенпорт.

– Спасибо, – ответил Тауэр. – Новости есть?

– У нас возникли некоторые… неприятные подробности, – сказала Рукс.

Манетт отвернулся, как будто ожидал пощечины.

– То есть?

Рукс кивнула Лукасу, и тот заговорил:

– Я только что приехал из школы. Мы нашли на парковке туфлю вашей дочери, под ее машиной, где на нее не попадал дождь. На ней кровь. Мы получили данные о ее группе крови из медицинского колледжа, так что скоро будем знать, принадлежит ли она ей. Если да, значит, у нее было очень сильное кровотечение – возможно, от удара в нос, разбитой губы или небольшой раны на голове. В таких случаях всегда очень много крови… Свидетели также утверждают, что ваша дочь и ее младшая дочь Женевьева…

– Да, Жен, – едва слышно проговорил Манетт.

– … очевидно, во время нападения их ранили и бросили в фургон. Также мы обнаружили, что, возможно, похититель попытался замаскировать фургон при помощи какой-то красной растворимой краски, так что существует вероятность, что именно ее свидетели приняли за кровь. Это нам неизвестно.

– О господи! – Голос Тауэра дрожал, и Лукас видел, что он не притворяется.

– Это может плохо закончиться, – вмешалась Рукс. – Мы надеемся на лучшее, но вам следует приготовиться к неблагоприятному исходу.

– Но я же могу что-нибудь сделать, – сказал Манетт. – Может быть, предложить награду? Или выступить с обращением?

– Можно обсудить вопрос награды, – ответила Роуз Мари. – Но нужно немного подождать – возможно, вам позвонят и потребуют выкуп.

– А у вас нет никаких предположений, любых, насчет того, что произошло? – спросил Дэвенпорт. – Может быть, кто-то решил отомстить вам или миссис Манетт?

– Нет… – медленно произнес хозяин дома, как будто обдумывал вопрос Лукаса. – А что?

– Возможно, за ней следили. То, что случилось, не похоже на спонтанное нападение, – пояснил Лукас. – В этой истории присутствует элемент безумия. Ведь могло произойти все, что угодно. В том смысле, что похититель захватил троих человек средь бела дня и сумел скрыться с места преступления.

– Вот что я вам скажу, мистер Дэвенпорт, – начал Манетт, который сделал три неуверенных шага к слишком мягкому стулу и сел. – У меня врагов больше, чем у многих других. В нашем штате можно насчитать несколько дюжин людей, испытывающих ко мне искреннюю ненависть, – людей, считающих меня виновным в том, что я разрушил их карьеру, будущее и, возможно, семьи. Это политика. К сожалению, так бывает, когда ваша партия терпит поражение в состязании за власть. Так что есть…

– Это не похоже на политические разборки, – перебила его Рукс, и Лукас заметил, что она достала из кармана сигарету и, не зажигая, вертит в руке.

– Согласен, – кивнул хозяин дома. – Эти люди, конечно, безумны, но подобное никогда не придет им в голову.

– Существует вероятность… – начал Дэвенпорт.

– Те, кто занимаются политикой, – сказал Манетт, – всегда оставляют для себя лазейки. В такой ситуации им не удалось бы избежать наказания. Даже если тот, кто захватил мою дочь и внучек, выбросил их из фургона в каком-нибудь темном углу, ему все равно грозит тюрьма за похищение. Человек, делающий политическую карьеру, никогда не совершит ничего подобного.

– Если только он не спятил, – возразил Лукас.

Рукс кивнула, посмотрела на Манетта и сказала:

– Такое возможно.

– Следовательно, нам необходимо поговорить о медицинской практике вашей дочери, – сказал Лукас. – Мы должны получить доступ к ее записям.

– Женщина на диване, – Манетт кивком показал в сторону гостиной, – та, что помоложе, – Нэнси Вулф, она партнер Энди. Я с нею поговорю.

– Мы бы хотели начать как можно скорее. Лучше всего – завтра утром.

– Надеюсь, это похищение ради выкупа, – проговорил Манетт. – Мне даже страшно подумать, что их захватил какой-то псих.

– А как насчет Джорджа Данна? – спросил Лукас. – Он утверждает, что находился в своей машине во время похищения, но свидетелей нет.

– Сукин сын. – Манетт встал со стула и обошел комнату, издавая на ходу звуки, похожие на рычание собаки. – Проклятый псих. До сегодняшнего дня мне не приходило в голову, что он может сделать что-то плохое Энди или девочкам, но теперь… я не знаю.

– Вы считаете, что он мог?

– Он хладнокровный сукин сын и может сделать все, что угодно.

Они еще немного поговорили о деле, потом к двери подошли две женщины и заглянули внутрь.

– Тауэр, у тебя все хорошо?

– Я в порядке, – ответил он.

Женщины вошли в библиотеку. Более молодая из двоих, Нэнси Вулф, была стройной и загорелой, в мягком шерстяном платье, но без украшений и косметики; в ее каштановых волосах Лукас заметил несколько седых прядей. Обращаясь к Манетту, она сказала:

– Вам сейчас нужен покой; я говорю это не как психиатр, а как обычный доктор.

Другая женщина, бледнее, старше, с обвислым лицом и двойным подбородком, умело накрашенная, кивнула, подошла к Манетту и взяла его за руку.

– Пойдем наверх, Тауэр. Даже если ты не сможешь уснуть, просто полежишь…

– Я не ложусь спать раньше двух часов ночи, – раздраженно заявил Манетт. – Так что идти наверх нет никакого смысла.

– Но день выдался тяжелый, – сказала женщина, и у Лукаса сложилось впечатление, что она говорит о себе. Он догадался, что это жена Манетта. Она обратилась к Рукс: – Тауэр очень переживает, а у него не все хорошо со здоровьем.

– Мы хотели сказать, что делаем все, что в наших силах, – ответила Роуз Мари и снова посмотрела на Манетта. – Я поручила Лукасу расследовать похищение вашей дочери.

– Спасибо, – сказал хозяин и добавил, обращаясь к Дэвенпорту: – Если вам что-то потребуется – ну, к примеру, нужно будет переговорить с людьми, которых я знаю, – просто позвоните. И если вы посчитаете, что пришло время объявить о награде, сообщите сразу мне.

– Джордж Данн, – напомнил Лукас.

– Набери его номер, Хелен, – попросил Манетт жену. – Я с ним поговорю.

– А потом, Тауэр, я требую, чтобы вы прилегли и закрыли глаза, хотя бы на полчаса, – вмешалась Вулф и прикоснулась к его руке. – Вам нужно подумать.

Лукас завез Рукс домой, пообещав позвонить ей в полночь или когда появятся какие-нибудь новости.

– Лестер занимается рутинными вещами, а от тебя я хочу, чтобы ты, так сказать, совершил чудо, – заявила Роуз Мари, когда машина остановилась у дома.

– У меня ощущение, что с чудесами будет сложновато, – ответил Лукас. – Тут произошло что-то очень непростое.

– Если ты этого не сделаешь, нас ощиплют, как курей. Готов выслушать пятнадцать секунд политической болтовни?

– Валяй.

– Это из тех дел, о которых будут говорить много лет, – начала Рукс. – Если мы найдем Манетт и детей, станем неприкосновенными. Зато если облажаемся… – Она не закончила.

– Тогда я пошел совершать чудо, – сказал Дэвенпорт.

Дом Джорджа Данна оказался скромным ранчо белого цвета на большом участке, заросшем деревьями, в тупике в Эдине. Лукас оставил «Порше» на подъездной дорожке, по каменной тропинке поднялся к двери и позвонил. Дверь ему открыл круглолицый коп, которого Дэвенпорт обычно видел в форме, но сейчас он был в слаксах[13] и футболке на пуговицах.

– Шеф Дэвенпорт…

– Привет, Рик, – прервал его Лукас. – Тебе поручили следить за телефонами?

– Ну, да, – ответил он и совсем тихо добавил: – И за Данном.

– Где он?

– В кабинете, там свет горит. – Коп кивком показал налево.

В доме повсюду стояли коричневые картонные коробки, какие используют для переезда, дюжина в прихожей, еще несколько на кухне. Мебели почти не было – диван и стул в гостиной, круглый дубовый стол в обеденной зоне на кухне. Лукас пошел по коридору на свет и обнаружил Данна за прямоугольным столом в комнате, которая, судя по всему, предназначалась для тихих вечеров в кругу семьи. У стены стоял телевизор с большим экраном, включенный, но без звука. На груде картонных коробок пристроилась стереосистема.

Данн склонился над стопкой бумаг, к которой придвинул настольную лампу с гибкой ножкой, похожей на гусиную шею, и его лицо частично оставалось в тени. Слева от него у стены выстроилось около полудюжины картотечных шкафчиков с двумя ящиками, половина из них была выдвинута. Рядом высилась очередная гора коробок. В дальнем конце комнаты вокруг кофейного столика стояли три стула.

Лукас вошел в комнату и сказал:

– Здравствуйте, мистер Данн.

Мужчина поднял голову.

– Дэвенпорт. – Он положил ручку, отодвинулся от стола и встал, чтобы пожать Лукасу руку.

Джордж Данн играл в футбол[14] защитником, но уже десять лет как ушел из спорта: широкие плечи, продолговатая голова, лицо в шрамах и такие ровные, белые и безупречные передние зубы, что они не могли быть своими. Он был в кашемировом свитере с закатанными рукавами, так что весь мир мог полюбоваться его золотым «Ролексом», в джинсах и мокасинах на босу ногу. Он пожал Лукасу руку, подержал ее секунду, кивнул, указал на стул, сел и сказал:

– Давайте ваши вопросы.

– Вам нужен адвокат? – спросил полицейский.

– У меня был адвокат. Пустая трата денег, – ответил Данн.

Дэвенпорт сел и наклонился вперед, поставив локти на колени.

– Вы сказали, что находились в своей машине, когда похитили вашу жену. Но никто не может подтвердить ваши слова, и вы никому в это время не звонили.

– Я звонил ей, когда она ехала в школу. Я уже говорил вашим ребятам…

[13] Имеются в виду брюки свободного покроя, без стрелок.

[14] Имеется в виду американский футбол.

– За час до того, как миссис Манетт похитили. Прокурор скажет, что ваш звонок помог вам выяснить, где она будет находиться, чтобы вы успели туда добраться. Или послать кого-нибудь, – сказал Лукас. – А после звонка вы не были у себя в офисе, и вас никто не видел.

– Я все понимаю. Однако если бы я сделал… это… я бы позаботился о надежном алиби, – ответил Данн и махнул рукой. – Я бы постарался оказаться в каком-нибудь другом месте. Но дело в том, что четверть рабочего дня я провел в машине. Мои строительные площадки расположены в разных местах Городов[15], от западного берега Миннетонка до Сент-Круа, и я каждый день их проверяю.

– И постоянно пользуетесь телефоном в машине, – заметил Лукас.

– Когда заканчивается рабочий день – нет. – Джордж покачал головой. – Я звонил в свой офис из Йорквилля – там у нас площадка в Вудберри, – а после, когда возвращался назад, разговаривал с Энди. Приехал сюда – и обнаружил, что меня уже поджидают копы.

– Как вы думаете, кто мог ее похитить?

Данн покачал головой.

– Наверняка кто-то из психов, с которыми она работает. Энди берется за самых безнадежных – сексуальных маньяков, пироманьяков, убийц. Для нее нет пациентов, которых она не пыталась бы вылечить.

Лукас несколько мгновений его рассматривал. Лампа отбрасывала свет на руки, но лицо оставалось наполовину в тени; в старом черно-белом кино таким бы представили дьявола.

– Насколько плохо вы к ней относитесь? – спросил Дэвенпорт. – Я про вашу жену.

– Я не отношусь к ней плохо, – ответил Данн и даже подпрыгнул на стуле. – Я ее люблю.

– А я слышал совсем другое.

– Ну да, да. – Он потер пальцами лоб. – Я переспал с женщиной из своего офиса. Один раз.

Лукас молчал, тишина стала гнетущей, и в конце концов Данн встал, подошел к коробке, открыл ее и достал оттуда бутылку.

– Хотите виски?

– Нет, спасибо. – Дэвенпорт снова замолчал.

– Вы можете себе представить: этакая красотка мелькала передо мной пять дней в неделю, – сказал он и нарисовал в воздухе фигуру соблазнительной женщины. – Мы с Энди иногда ссорились, по мелочам, но у нас было много хорошего. Мы делали карьеру, целые дни проводили на работе, редко виделись… примерно так. А эта крошка постоянно находилась рядом – она отвечает у нас за логистику, – и в конце концов я ее трахнул. Прямо на письменном столе, повсюду карандаши и ручки, блокнот приклеился к ее заднице… И не успел я очухаться, как она заявилась в кабинет к Энди и сказала, что мы с ней друг друга любим. – Он запустил руку в волосы и коротко, невесело рассмеялся. – Господи, какой разразился кошмар!

– Да уж, судя по всему, это был не самый лучший ваш день, – согласился Лукас, в жизни которого такое тоже случалось.

– Знаете, я страшно жалею, что заварил всю эту кашу, – признался Данн и поднес бутылку к губам. – В один день я лишился жены и менеджера по логистике.

Дэвенпорт довольно долго на него смотрел и понял, что он не притворяется.

– Существует ли какая-то причина, по которой вы могли бы убить жену из-за денег?

Данн поднял голову и немного удивленно посмотрел на него.

– Господи, а вы не хо́дите вокруг да около!

---

[15] Миннеаполис и Сент-Пол – два крупных, примыкающих друг к другу города в штате Миннесота – часто называют Городами-Близнецами.

Лукас покачал головой.

– Вы могли это сделать? В моем предположении есть рациональное зерно?

– Нет. Только между нами – денег там не так чтобы очень много.

– Хм-м-м…

– Я понимаю… Тауэр Манетт и его миллионы, Фонд Манетта и прочее дерьмо, – продолжал Джордж и помахал рукой, как будто пытался сбросить прилипшую паутину, затем прошел по комнате, перешагнул через порог и включил свет; открыв холодильник, бросил в стакан несколько кубиков льда и вернулся к Лукасу. – Энди имеет в среднем сто тысяч в год, от своей доли в Доверительном фонде Манетта. Когда детям исполнится восемнадцать, они тоже получат свою долю, которая соответственно увеличится, когда им будет двадцать пять и сорок. Если они… умрут… я ничего не выигрываю. Мне достанется только дом и все, что в нем, но, если честно, мне это не нужно.

– А Манетт? Вы сказали…

– В пятидесятых у Тауэра было примерно десять миллионов плюс доход от фонда и членства в совете директоров. Но он носился по всему свету, покупал яхты… дом в Палм-Бич… и трахал все, что движется. А в семидесятых всерьез подсел на кокаин. Через несколько лет процент с десяти миллионов перестал покрывать его расходы. Он начал залезать в основной капитал. Потом занялся политикой – на самом деле оплатил дорогу туда – и тратил огромные деньги. Наверное, ему казалось, что он вычерпывает океан чайной чашкой. Но оно постепенно накапливалось. Потом в семидесятых и восьмидесятых он совершил серьезную ошибку – связался с акциями во время Большой инфляции и продал их с огромными потерями. Примерно тогда же он познакомился с Хелен…

– Это его вторая жена, верно? – уточнил Лукас. – Она моложе его.

– Мне кажется, ей… пятьдесят три или четыре, – сказал Данн. – Не такая она и молодая. Его первая жена и мать Энди – ее звали Берни – умерла десять лет назад. Но к тому времени Манетт уже встречался с Хелен. Она была привлекательной женщиной с роскошной грудью. Тауэр по этой части слаб. Хелен занималась недвижимостью и втянула Тауэра в ИТНИ, чтобы восполнить его потери при продаже акций…

– А что такое ИТНИ? – спросил Лукас.

– Извините… Инвестиционный траст недвижимого имущества. Это произошло как раз перед тем, как на рынке недвижимости начались проблемы, и Тауэр снова оказался в проигрыше. Потом кризис восемьдесят седьмого… Он тогда был в таком жутком состоянии, что находиться рядом с ним не мог почти никто.

– Значит, он банкрот?

Данн посмотрел на потолок, как будто производил подсчеты в уме. Через некоторое время он сказал:

– В данный момент, если Тауэр хорошенько подсуетится, он сумеет собрать… скажем, миллион. Разумеется, дом принадлежит ему, это больше миллиона, но он не станет его продавать. Тауэру нужно где-то жить, а у него очень высокие запросы… так что, думаю, он может получить шестьдесят тысяч из своего миллиона и еще сто из траста. Кроме того, он продолжает входить в совет директоров фонда, но это тысяч двадцать или тридцать. Итак, что у нас получилось? Меньше двухсот тысяч?

– Господи, да он голодает, – сказал Лукас, подпустив в голос сарказма.

Данн наставил на него палец:

– *Именно* так он сам и думает. Тауэр *чувствует* себя нищим. Он тратил полмиллиона в год, когда «Кадиллак» стоил шесть тысяч баксов и миллион считался серьезными деньгами. Сейчас он вынужден жить примерно на четверть миллиона, а «Кадиллак» стоит сорок тысяч.

– Бедный сукин сын.

– Знаете, сейчас миллион уже не такие большие деньги, – грустно проговорил Джордж. – Хозяин двух заправок «Эксон» стоит по меньшей мере миллион, может, больше. Двух заправок! Мы не говорим о яхтах и поло.

– Значит, если вы и похитили свою жену, то не из-за денег, – подытожил Дэвенпорт.

– Проклятье, если уж кого и имеет смысл похищать, так это меня. Я ст*о*ю в пятнадцать или двадцать раз больше, чем Тауэр. Разумеется, мои деньги не так хороши, как те, что принадлежат ему, – со скорбью в голосе произнес Данн.

– И почему же?

– Потому что я их заработал. Как вы со своей компьютерной компанией. Я читал про вас в «Ситиз бизз». Там написано, что ваше состояние равняется примерно пяти миллионам и продолжает расти. Вы должны это чувствовать… ну, что деньги какие-то нечистые.

– Я их не вижу, – ответил Лукас. – На данный момент они все в бумагах. А как насчет страховки? Жизнь Энди застрахована?

– Ну, конечно. – Данн нахмурился и почесал подбородок. – На самом деле на довольно большую сумму.

– И кто ее получит?

– Дети, – пожав плечами, сказал Джордж. – если только… О господи. Если дети умрут, страховку получаю я.

– Вы единственный бенефициар?[16]

– Да… если не считать того, что Нэнси Вулф достанется полмиллиона. У них отлично идут дела, и у обеих заключен страховой договор на покрытие кредита в случае смерти одной из них.

– Для Нэнси Вулф полмиллиона – большие деньги?

Данн снова задумался.

– Немаленькие. Она зарабатывает примерно сто пятьдесят или сто семьдесят пять тысяч в год, но налоги съедают солидную часть ее доходов – так что дополнительные полмиллиона не помешали бы.

– Вы подпишете нам разрешение взглянуть на рабочие записи вашей жены?

– Естественно, а почему нет?

– Потому что многие врачи считают, что записи психиатров должны храниться в тайне, – ответил Лукас. – Что пациенты нуждаются в лечении, и копам нечего копаться в их проблемах.

– Да пошли они! Я все подпишу, – сказал Джордж. – Бумага у вас с собой?

– Я распоряжусь, чтобы вам ее сегодня привезли.

Данн некоторое время не сводил глаз с руки Лукаса, потом не выдержал и спросил:

– Что это вы вертите в руке?

Дэвенпорт взглянул на свою руку и увидел кольцо.

– Кольцо.

– Охо-хо, туда или обратно?

– Я еще думаю, – признался Дэвенпорт.

– Брак – замечательная штука, – сказал Данн и развел руки в стороны. – Оглянитесь по сторонам. Коробка для всего – и всё в коробках.

– У меня сложилось впечатление, что вы… как-то уж слишком беззаботно относитесь к происходящему.

Лицо Джорджа неожиданно окаменело, и он наклонился к Лукасу.

[16] Получатель денег.

– Дэвенпорт, на самом деле я так напуган, что мне даже плюнуть страшно. Клянусь богом, я и не представлял, что подобное бывает. Думал, все это болтовня, и ошибся… Вы должны найти моих девочек.

Лукас фыркнул и встал со стула:

– Вы никуда не уедете. – Это прозвучало не как вопрос.

– Никуда. – Данн тоже встал и посмотрел на него. – А вы крутой парень, верно?

– Может быть, – не стал спорить Дэвенпорт.

– Футбол?

– Хоккей.

– Да, у вас шрамы… считаете, что сможете со мной справиться. – Данн снова расслабился, и по его лицу скользнуло слегка удивленное выражение.

– Конечно, – кивнув, ответил Лукас.

– Хм-м-м, – протянул он, как будто сомневался в этом, но уже в следующее мгновение перестал улыбаться. – Как вы думаете, вам удастся найти мою жену и детей?

– Я их найду, – пообещал Дэвенпорт.

– Но вы не гарантируете, в каком состоянии, – добавил Данн.

Лукас отвернулся и посмотрел в темный коридор. У него возникло ощущение, будто что-то отвратительное коснулось его лица.

– Нет, – ответил он темноте.

Глава 04

Убойный отдел напоминал редакцию новостей слегка потрепанной ежедневной газетенки какого-нибудь маленького городка. Небольшие кабинки для детективов разделяли перегородки, доходившие до плеч; некоторые столы поражали своей аккуратностью, другие являли собой настоящую свалку из бумаг и самых разных предметов. Три вида металлических картотечных шкафов, серых или цвета замазки, стояли всюду, где только для них находилось место. Старые плакаты и заметки, рисунки и бюрократические послания были прикреплены или напечатаны на стенах и досках для объявлений. На одном из шкафов пристроился коричневый пластмассовый радиоприемник размером с тостер, с круглой ручкой и погнутой вешалкой, служившей антенной. Из примитивного громкоговорителя доносился гнусавый голос:

«*…Одно из самых известных в истории преступлений, сродни Похищению сабинянок*[17] *или делу Линдберга*[18]*, произошедшему уже в нашем веке…*»

Лукас потягивал куриный бульон из серии «Суп-в-чашке» и остановился на пороге, держа стаканчик в двух дюймах от губ. Голос показался ему знакомым, но он никак не мог вспомнить, кому он принадлежит, пока говорившего не перебил диктор:

Вы слушаете Пирата Джимми Уокера, и у нас вопрос к доктору Дэвиду Гердлеру…

Доктор Гердлер, минуту назад вы сказали, что жертвы похищений идентифицируют себя с похитителями. А я считаю, что мы получили великолепный пример того, что происходит, когда либеральная школьная система пичкает детей политическим мусором и учит вещам, которые, по их представлениям, являются дурными, но в которые им приходится верить, потому что так говорят люди, наделенные властью, например, профсоюзные шлюхи, называющие себя учителями…

Голос Гердлера звучал исключительно мягко, тихо, фальшиво и очень настойчиво.

Я понимаю ваши чувства – хе-хе – хотя не полностью их разделяю: у нас много хороших учителей. Если отставить это в сторону, – да, такая идентификация действительно происходит и возникает через несколько часов после похищения; жертвы даже могут предложить эффективные способы помешать полиции поймать преступника…

Лукас уставился на приемник, не в силах поверить тому, что услышал. Грив сидел за своим столом и ел шоколадку с орехами.

– Похоже на речь политика, правда? Наверное, еле дождался, когда можно будет рвануть на радио. Вышел из школы и сразу туда поехал.

– И как давно он вот так выступает? – Дэвенпорт допил бульон и выбросил стаканчик в мусорное ведро.

– Уже час, – ответил Грив. – Кстати, тут куча репортеров, они уже сбились с ног, разыскивая тебя.

– Да пошли они, – сказал Лукас. – По крайней мере, на данный момент.

В отделе было около дюжины детективов – все из убойного, по большей части те, что занимались преступлениями на сексуальной почве и борьбой с безнравственностью, а также сбором информации. Некоторые сидели за столами; другие стояли, прислонившись к шкафам, или сидели на вращающихся креслах. Два копа, верзила и коротышка, обсуждали

---

[17] Сюжет из древнеримской истории. В Риме преобладало мужское население, а соседние племена не желали отдавать своих дочерей за римлян. Тогда римляне пригласили соседей на пир и похитили их женщин; это стало поводом для Сабинской войны.

[18] Похищение и убийство Чарльза Августа Линдберга-младшего, сына знаменитого авиатора Чарльза Линдберга и Энн Морроу Линдберг, – одно из получивших наиболее широкую огласку преступлений XX века.

гольф. Парень из отдела преступлений на сексуальной почве протиснулся мимо Лукаса с подносом, заставленным стаканчиками с кофе и кока-колой. Почти все ели или пили, и в помещении пахло кофе, попкорном и пиццей.

Хармон Андерсон, который с аппетитом поглощал сэндвич с курицей, подошел к столу Грива. К верхней губе у него прилипла клякса майонеза.

– Вы только гляньте, как выделывается, – сказал он с набитым ртом. Андерсон, родом из деревни, был высококлассным специалистом по компьютерам. – Гердлер *не* врач. Он получил бакалавра по психологии в каком-то занюханном колледже в Северной Каролине.

Шерилл, все еще мокрая после дождя, вошла, сняла кепку, похлопала ею по куртке и повесила на крючок. Она кивнула Лукасу, показала глазами на приемник и спросила:

– Слышали?

– Сейчас слушаю, – ответил он и, обратившись к Гриву, спросил: – Ты просил его не делать этого?

Тот кивнул:

– Как обычно. Я сказал, что он не должен разглашать детали расследования, чтобы нарушители не узнали, что конкретно нам известно, и мы могли представить более четкую картину в суде.

– Ты сказал *нарушители*?

– Ну, сказал. Давай, пристрели меня теперь.

– Похоже, ему плевать на наши предупреждения, – проговорила Шерилл и взъерошила волосы, чтобы немного просушить их. – Я слушала его, когда ехала сюда. Он вспоминает подробности, о которых не сказал нам…

– Сочиняет, – поправил ее Лукас.

– Все хотят стать звездами, – заявил Грив, и они замолчали, чтобы послушать дальше.

Знаете, доктор Гердлер, полиция не борется с преступностью; они просто фиксируют преступления и иногда ловят людей, их совершивших. Когда уже слишком поздно. Это похищение является прекрасным примером. Если бы у миссис Манетт или у вас был самый простой пистолет, вы могли бы остановить мерзавца. Но вы стояли в вестибюле и ничего не могли сделать. Вот что я вам скажу: у бандитов оружие есть, и пришла пора законопослушным гражданам получить возможность воспользоваться Второй поправкой…[19]

– Черт бы его побрал, – возмутилась Шерилл. – Они собираются устроить из этого дела настоящий цирк.

– Уже устроили. – Все одновременно повернулись к двери и увидели заместителя шефа по расследованиям Фрэнка Лестера, который вошел с кипой бумаг в руках. Он выглядел уставшим и мрачным – слишком давно работал в полиции. – Есть что-нибудь?

– Я поговорил с Данном, – покачав головой, ответил Дэвенпорт. – И у меня сложилось впечатление, что он ни при чем.

– Однако он у нас главный кандидат на подозреваемого, – заметил Грив.

– Да, это так, – ответил Лукас Гриву и, повернувшись к Лестеру, спросил: – Федералы уже налетели?

– Вот-вот появятся, – сказал тот. – Они больше не могут тянуть.

Дэвенпорт вертел кольцо на кончике указательного пальца; заметил, что Фрэнк на него смотрит, и убрал в карман.

– Даже если феды возьмутся за расследование, – продолжал Лестер, – Манетт хочет, чтобы мы тоже им занимались. Шеф согласилась.

– Господи, скорей бы это дерьмо закончилось, – заявил Грив и потер лоб.

---

[19] Вторая поправка к Конституции США гарантирует право граждан на хранение и ношение оружия. Поправка вступила в силу 15 декабря 1791 г., одновременно с остальными девятью поправками, входящими в Билль о правах.

– Это тянется со времен Каина и Авеля, – заметил Андерсон.

Грив перестал тереть лоб.

– Я про политику, а не про преступления. Иначе мне бы пришлось искать работу.

– Ты мог бы выступать по радио с такими же бреднями, – сказала Марси.

Лестер помахал рукой, чтобы они замолчали, и поднял желтый полицейский блокнот, в котором делал записи:

– Послушайте меня.

Все собрались вокруг него.

– Хармон Андерсон раздаст вам задания, но я хочу обрисовать ситуацию и понять, не упустили ли мы чего-то.

– Как обстоят дела на настоящий момент? – крикнул кто-то из заднего ряда.

– У нас полная свобода действий, – ответил Фрэнк и заглянул в одну из бумаг, которые держал в руке. – Итак, парни, большинство из вас будут ходить по домам и заниматься опросом…

Лестер наклонил голову, услышав дружные стоны – на улице все еще шел дождь – и добавил:

– Есть еще несколько мелких дел, которыми мы должны заняться немедленно. Необходимо к утру выяснить все, что возможно, касательно краски на парковке. И проверить, нет ли такой в школе. Джим Хилл… – Он кивком показал на одного из детективов, – говорит, что краска для плакатов редко используется не в школах, так что, возможно, они каким-то образом замешаны в случившемся.

– Это сделал муж! – выкрикнул кто-то.

– Мы им занимаемся, – ответил Фрэнк. – А пока необходимо проверить кровь на туфле и выяснить, принадлежит она Манетт или кому-то из ее дочерей. Если нет – если она чья-то еще, – мы поищем ДНК в нашем банке данных. Кроме того, нужно съездить в медицинский колледж университета и получить там группу крови Манетт. Мне сказали, что она несколько раз участвовала в экспериментах, так что у них наверняка имеется ее ДНК, а если кровь на туфле принадлежит кому-то из детей, мы сможем…

– Тест на ДНК занимает много времени, – сказал невысокий розоволицый полицейский в фетровой шляпе с загнутыми вниз полями и пером.

– Только не в данном случае, – ответил Лестер и снова заглянул в бумаги. – Мы должны проверить компанию «Форд Эконолайн»: нет ли там пациентов миссис Манетт, персонала школы, родственников, а также того, что нам удастся обнаружить в связи с преступлениями, совершенными в Миннесоте и, насколько получится, в Висконсине. Еще необходимо выяснить, владеет ли какая-нибудь компания, принадлежащая Манетту или Данну, фургонами «Эконолайн». Кто-то из вас отправится в «Форд» и получит в их книгах гарантийного обслуживания список фургонов «Эконолайн». Нам сказали, что он был старым; следовательно, постарайтесь поднять все бумаги за прошлые годы. Далее: нужно сверить регистрационные номера фургонов данного типа с именами пациентов миссис Манетт; мы как раз ждем, когда нам их пришлют…

– Я создаю базу данных ее пациентов, – перебил его Андерсон. – Так что если в расследовании возникнет какое-то имя, мы сможем его проверить, – поэтому постарайтесь нарыть как можно больше.

Лестер кивнул и продолжил:

– Кроме того, необходимо проверить состояние счетов Манетта и Данна и выяснить, нет ли у кого-то из них финансовых проблем. И не забудьте про страховку. Что еще?

– Манетт составляет список своих врагов, – сказал Лукас.

– Займись им, – велел Лестер Андерсону. – Что мы упустили?

– Обращение к общественности, – сказал чернокожий коп в жемчужного цвета костюме. – Фотографии Манетт и детей.

– На всех телеканалах уже есть кое-какие снимки, но мы в течение нескольких часов отправим им фотографии хорошего качества. Кроме того, возникло предложение о награде за информацию. Об этом мы сообщим вам позже. И последнее: все контакты со средствами массовой информации будет осуществлять отдел связей с общественностью. Я не хочу, чтобы кто-нибудь из вас разговаривал с репортерами. Понятно?

Все дружно закивали.

Лестер повернулся к Шерилл:

– Как проходит опрос жителей близлежащих домов?

– Мы зашли во все дома, из которых видна школа, кроме двух, где никого не оказалось; мы ищем этих людей на случай, если они стали свидетелями похищения, – доложила Марси. – Пока что нам удалось найти только одну женщину, которая видела фургон и узнала задние огни «Эконолайн». Так что мы считаем, что тут все ясно. Сейчас мы собираемся вернуться, чтобы обойти дома во второй раз и расспросить жителей, не заметили ли они чего-то необычного в последние несколько дней – и то же самое проделаем в районе, где живет Манетт. Если похищение спланировано, он наверняка за ней следил. Пока это всё.

– Хорошо, – сказал Лестер и обвел взглядом комнату. – Вам известна картина в целом. Получите задания у Андерсона, и давайте займемся делом. Я хочу, чтобы вы все надорвали пупки на этом расследовании. Дело серьезное, и мы не должны потерять лицо.

Когда детективы окружили Хармона, Лукас наклонился к Гриву и сказал:

– А девочка, вторая свидетельница, она видела что-нибудь, что отличается от показаний Гердлера?

Грив почесал в затылке, и у него затуманились глаза.

– Девочка… ну, не знаю, мне почти ничего не удалось от нее добиться. Она была жутко напугана. Да и вообще показалась мне туповатой.

– У тебя есть номер ее телефона? – спросил Лукас.

– Конечно. Дать?

– А она живет не в Сент-Поле? Или Хайленд-Парке?

– Ну, где-то там…

Лестер поймал Лукаса, когда тот запирал дверь своего кабинета.

– Есть какие-то мысли? – спросил он.

– Как у всех – деньги или псих, – ответил Дэвенпорт. – Если мы не получим звонка о выкупе, найдем похитителя среди пациентов или членов семьи.

– С карточками пациентов могут возникнуть проблемы, – сказал Лестер. – Манетт поговорил с Вулф, и та чуть потолок головой не пробила. Как я понял, там разразился настоящий скандал. Врачебная тайна.

– Ерунда, Фрэнк, – заявил Лукас. – Получи ордер, и она все нам выдаст. Но не болтай об этом, иначе дело примет ненужную огласку, и журналисты начнут выкручивать нам руки. Разбуди судью, и пусть он выдаст тебе ордер. Если хочешь, я поеду к Вулф.

– Хорошо бы, но не сегодня, – сказал Фрэнк. – У нас и так слишком много всего происходит. Завтра в семь утра ордер будет у меня на руках.

Дэвенпорт кивнул.

– Я заберу его, как только мне удастся проснуться, – пообещал он, поскольку не любил рано вставать. – Сегодня я хочу еще раз поговорить с девочкой-свидетельницей.

– Боб с ней уже беседовал, – смущенно напомнил ему Лестер.

– Да, – не стал спорить Лукас и через мгновение добавил: – В этом-то и проблема.

– Боб хороший парень, – возразил Лестер.

– Фрэнк, он даже не сможет словить триппер в борделе.

– Ну, да, конечно… ты договорился с родителями девочки?

– Две минуты назад я сказал им, что уже еду.

Кларисса Берне была в костюме и при галстуке, ее муж Томас – в кашемировом свитере и тоже при галстуке.

– Мы не хотим, чтобы нашу дочь еще больше пугали, – прошипела, точно змея, Кларисса, костлявая женщина с прилизанными светлыми волосами и длинным носом; ее передние зубы, выступавшие вперед, как у грызуна, нацелились на Лукаса.

– Я здесь не для того, чтобы пугать вашу дочь.

– И не *советую* вам это делать, – сказала Берне и помахала перед его носом пальцем. – С нас достаточно неприятностей. Первый полицейский допрашивал ее, даже не дождавшись, когда мы приедем в школу.

– Мы надеялись остановить фургон похитителя, – мягко объяснил Лукас, начиная постепенно закипать.

– *Мы* все понимаем, но и *вы* должны понять, что наша дочь пережила серьезное потрясение, – вмешался Томас Берне и потряс брыла́ми.

Они стояли в выложенной каменной плиткой прихожей дома Берне – с одной стороны стенной шкаф, на противоположной стене плакат в рамке, сувенир с выставки работ Рембрандта в Амстердаме в 1992 году. Грустный, средних лет Рембрандт внимательно разглядывал Лукаса.

– *Вы* должны понять, что речь идет о расследовании похищения, которое, возможно, станет убийством! – рявкнул Дэвенпорт, и в его голосе появились сердитые нотки. – Так или иначе, мы поговорим с вашей дочерью и получим от нее ответы. Мы можем проделать все мирно и спокойно здесь или по судебному ордеру в убойном отделе – и это будет уже не так приятно. – Он помолчал мгновение. – Мне бы не хотелось прибегать ко второму варианту.

– *Нам* не стоит угрожать, – заявил Томас Берне, который был начальником отдела в «Дженерал миллз»[20] и умел распознавать угрозу, когда ее слышал.

– А я не угрожаю, я всего лишь хочу поставить вас в известность о юридической стороне вопроса, – сказал Лукас. – Жизнь трех человек в опасности, и если ваша дочь не сможет уснуть одну ночь или даже две, это, конечно, плохо. Но я должен думать о жертвах и о том, что с ними сейчас происходит. Итак, я *сейчас* поговорю с… Мерседес, или мне съездить за ордером?

Мерседес Берне оказалась крошечной девочкой с заостренным подбородком, стрижкой за сто долларов и глазами лет на пять старше ее самой. Она вышла в шелковом кимоно и села, скрестив ноги, на диван в гостиной, рядом с роялем «Ямаха». Дэвенпорт обратил внимание на то, что у нее совсем недавно начала расти грудь, и девчонка сидела, выпрямив спину, чтобы представить в лучшем свете то, чего еще по-настоящему не было. Мать уселась рядом с ней, отец остался стоять за стулом.

– Грейс стояла, – начала она рассказывать Лукасу про то, что видела, – и все время вертела головой, как будто не понимала, что происходит. Она даже вернулась к двери, но потом снова вышла обратно. И тут появился фургон, он ехал в ту сторону. – Девочка показала налево. – Из него выскочил какой-то тип, подбежал к Грейс, и она начала пятиться, но тип схватил ее за блузку и волосы, буквально поднял в воздух и стащил с крыльца…

– Это портик, – поправила ее Кларисса.

[20] Американская корпорация, один из крупнейших в мире производителей продуктов питания.

– Ну, да, как скажешь, – сказала Мерседес и закатила глаза. – В общем, он потащил Грейс к фургону, открыл раздвижную дверь и швырнул ее внутрь. Понимаете, он был просто *огромным*. Взял и забросил ее туда. Но прежде чем он закрыл дверь, я увидела еще двоих людей. Миссис Данн…

– Миссис Манетт, – опять вмешалась ее мать.

– Да-да, как скажешь… на ее лице я заметила кровь. И мне показалось, что она *ползла*. Там была еще одна девочка, и я подумала, что это Женевьева, но лица я не видела. Она лежала на полу. А потом тот тип закрыл дверь.

– Где во время похищения находился мистер Гердлер?

– Я увидела его только потом. Он был где-то у меня за спиной. Я сказала ему, чтобы он позвонил девять-один-один, но он так себя вел… – Она снова закатила глаза, и Лукас улыбнулся.

– Хорошенько подумай над моим вопросом, – попросил он, – и постарайся как можно точнее описать похитителя.

Мерседес откинулась на спинку дивана, закрыла глаза и через минуту, не открывая их, сказала:

– Большой. Желтые волосы, но какие-то странные, как будто осветленные перекисью, или что-то в таком же роде. Потому что его кожа была темной, не как у черных, но, понимаете… смуглой. – Она открыла глаза и внимательно посмотрела на Лукаса. – Примерно как у вас. Его лицо не похоже на ваше… оно у него узкое, но цвет кожи такой же. И еще он большой, вроде вас.

– Во что он был одет? Ты заметила что-нибудь особенное?

Мерседес снова закрыла глаза, мысленно пережила сцену похищения, потом открыла их и с удивленным видом выдохнула:

– Вот дерьмо…

– Юная леди! – с возмущением вскричала Кларисса Берне.

Лукас кивнул и спросил:

– Что?

– Футболка ЖенКона[21]. Я *знала*, было что-то…

– ЖенКон? – переспросил Лукас. – Ты уверена? Успела заметить, какого года?

– Вы знаете, что это такое? – Девочка скептически приподняла одну бровь.

– Конечно. Я сочиняю ролевые игры…

– Правда? Мой бойфренд…

– Мерседес! – В голосе Клариссы появилась угрожающая интонация, и девочка решила перебраться на более безопасную территорию: – У одного моего одноклассника есть такая. Я ее сразу узнала. У него другая, но это точно был ЖенКон. Почти во всю грудь, а еще необычные игральные кости. Все черное и белое, в общем, дешевка…

– Что такое ЖенКон? – спросил Томас Берне, с подозрением переводя взгляд с Лукаса на дочь, как будто ЖенКон имел какое-то отношение к презервативам.

– Это игровой фестиваль, который проводится в Лейк-Женеве, – пояснил Лукас и, повернувшись снова к Мерседес, спросил: – А почему ты не сказала этого полицейскому офицеру, который разговаривал с тобой в школе?

– Да он почти и не обращал на меня внимания, – ответила девочка. – А задница Гердлер…

---

[21] Ежегодный игровой фестиваль (конвент), проходящий в США. Традиционно на фестивале представлены настольные ролевые игры, варгеймы, стратегические игры, коллекционные карточные игры и ролевые игры живого действия. В рамках фестиваля часто проводятся турниры по разнообразным играм. Получил свое название от города Лейк-Женева, штат Висконсин.

– Мерседес! – Мамаша выплюнула имя дочери, точно волк – обглоданную косточку ягненка.

– Но это же правда, – пытаясь защититься, сказала Мерседес. – Он не замолкал, не давал мне ни одного слова вставить, но я думаю, он ничего не видел. Он почти все время прятался в коридоре.

– Хорошо, – сказал Лукас. – Теперь поговорим про фургон. Ты заметила что-нибудь необычное?

Девочка кивнула:

– Заметила и рассказала вашему копу. Там была надпись, не знаю, какая, но тот тип ее закрасил… буквы на двери.

– Какие буквы?

Мерседес пожала плечами.

– Не знаю. Просто я обратила на это внимание, когда подошла к окну. Он как раз уезжал. И знаете что, он закрасил надпись очень неаккуратно – просто замазал прежние буквы.

Лукас воспользовался телефоном в доме Берне, чтобы позвонить в отдел и сообщить Андерсону про фургон и футболку.

– Домой поедешь? – спросил Хармон.

– Сегодня уже больше нечего делать, если только похититель не позвонит с требованием выкупа. Наши ребята все еще обходят дома?

– Да, сейчас они в районе, где жила Манетт. Спрашивают, не заметил ли кто-нибудь чего-то подозрительного в последние дни. Пока ничего.

– Дай мне знать, если что-то появится.

– Хорошо, все сведения стекаются ко мне… ты уже сделал Уэзер предложение?

– Боже праведный… – Лукас рассмеялся.

– Да ты чего, приятель, это же сейчас главная новость.

– Я тебе сообщу, когда придет время.

Дэвенпорт почувствовал тяжесть кольца, которое лежало в кармане брюк. «Может, и вправду сделать предложение?» – подумал он.

– Знаешь, у меня возникло интуитивное ощущение насчет… – начал Андерсон.

– Насчет Уэзер?

– Нет, Манетт. Тут что-то странное происходит. Я уверен, они еще живы и ждут, когда мы их найдем.

Уэзер Каркиннен перекатилась на левую сторону кровати, поближе к окну, открытому на пару дюймов, чтобы в комнату попадал холодный свежий воздух.

– Плохо? – сонно спросила она.

– Да. – Лукас забрался в кровать, придвинулся к ней поближе и поцеловал за ухом.

– Расскажи, – попросила она и легла на спину.

– Уже поздно.

Уэзер работала хирургом и оперировала каждый день, как правило, с семи утра.

– Все нормально; я завтра начинаю позже.

– Дочь Тауэра Манетта и две ее дочери. – И Дэвенпорт рассказал про похищение и кровь на туфле.

– Ужасно, когда страдают дети.

– Да.

Будучи хирургом, Уэзер выглядела как спортсменка – точнее, борец, который участвовал в чересчур большом количестве поединков. Она обычно держала руки перед собой, со

сжатыми кулаками, как боксер в грогги[22]. Природа наградила ее широкими плечами, слишком крупным носом, слегка сдвинутым влево, а еще короткими, каштановыми волосами, едва тронутыми сединой. Высокие скулы и темно-голубые глаза говорили о том, что она чистокровная финка. Но, несмотря на все это, Уэзер была миниатюрной женщиной, и Лукас мог легко взять ее на руки, точно ценную посылку, и носить по всему дому. Что он с ней и проделывал время от времени, но никогда с полностью одетой.

Уэзер не отличалась красотой, но завоевала сердце Лукаса силой характера, которой он не встречал раньше, и привязанность к ней постепенно стала такой непреодолимой, что временами его пугала. Иногда он лежал ночью без сна, глядя на спящую Уэзер и представляя кошмар, когда она от него уйдет.

Они познакомились в Северном Висконсине, где Уэзер работала хирургом в местной больнице. Дэвенпорт занимался расследованием дела об организации, вовлекавшей детей в занятия проституцией, во главе которой стоял настоящий убийца. Во время финальной стадии погони в лесу ему в горло выстрелила девочка, и Уэзер спасла ему жизнь, разрезав его складным ножом.

Классное начало романтических отношений!

Лукас положил руки ей на талию.

– И когда же ты должна быть на работе? – прошептал он.

– Все мужчины настоящие животные, – ответила она и придвинулась к нему поближе.

Когда она уснула, Лукас, который чувствовал себя расслабленным и окутанным уютным теплом, прижался к ней. Уэзер поглубже зарылась в подушку и выставила попку. «Сейчас самое подходящее время сделать ей предложение», – подумал Дэвенпорт. Он не спал, мог четко формулировать свои мысли и был настроен романтично… но она уснула, как маленький ребенок. Он улыбнулся, погладил ее по бедру и тоже откинулся на подушку.

Лукас держал кольцо в самом низу своего ящика с носками, дожидаясь подходящего момента. Он чувствовал его присутствие, и ему стало интересно, испускает ли оно сияние в темноте.

[22] Грогги – одномоментное ухудшение состояния находящегося на ногах боксера, после получения им точного удара. По рукам боксера, выставленным вперед и согнутым в локтях под прямым углом, рефери определяет степень тяжести его состояния.

Глава 05

Помещение, где они оказались, представляло собой дыру из бетона и камня и пахло гнилой картошкой. В верхней части одной из стен имелось четыре отверстия размером с кулак, но они были слишком высоко, чтобы что-нибудь увидеть. Глядя на них, Энди подумала о дырках, которые ребенок проделывает в крышке банки, чтобы насекомые, сидящие там, не задохнулись.

В одном углу лежал двуспальный матрас, весь в каких-то пятнах – на нем спали девочки. Глядя на часы, Энди определила, что Джон Мэйл ушел три часа назад. Когда дверь за ним с грохотом захлопнулась, все трое в страхе скорчились на матрасе, с широко раскрытыми глазами дожидаясь его возвращения.

Но он не вернулся. Измученные страхом девочки в конце концов уснули, свернувшись клубочком, точно котята в коробке. Грейс стонала во сне, временами всхлипывая; Женевьева же спала крепко, с открытым ртом, даже похрапывала время от времени.

Энди сидела на холодном полу, прислонившись спиной к шершавой стене, в сотый раз обдумывая ситуацию, в которой они оказались, и искала возможность – хоть какую-нибудь – из нее выбраться.

На потолке она разглядела простую лампочку на шестьдесят ватт и цепочку, служившую выключателем. Но пока у нее не хватило смелости за нее дернуть. Один из углов занимал биотуалет, от которого едва различимо пахло моющим средством. Он предназначался для маленьких катеров и походов и был сделан из пластика. Энди никак не удавалось придумать способ использовать его в качестве оружия или еще как-нибудь, кроме как по его прямому назначению. Рядом с дверью Мэйл поставил портативный холодильник, наполовину заполненный тающим льдом и банками с клубничным лимонадом. А около Энди, на низком пластмассовом столе, стояли монитор и игровая консоль, подключенные к удлинителю с четырьмя гнездами, который, в свою очередь, уходил к розетке, расположенной возле лампочки.

И всё.

Оружие? Может быть, одну из канистр можно использовать как дубинку? Или веревкой задушить Мэйла?

Нет. Ерунда. Он слишком большой и злобный.

Возможно, удастся каким-то образом подвести ток к двери? Взять шнур от компьютера, снять оплетку, соединить его с дверной ручкой… Но Энди ничего не знала про электричество… а если Мэйл получит слабый удар, он выключит питание, и что потом?..

Вот этого она никак не могла понять – чего он хочет и что собирается сделать? Не вызывало сомнений, что он все тщательно спланировал.

Помещение, в котором Мэйл держал их, когда-то было овощехранилищем в каком-то фермерском доме – глубокая яма, намного ниже линии замерзания земли, со стенами из гранита и бетона. Мэйл сломал часть внутренней перегородки и установил бетонный блок со стальной огнеупорной дверью. Новая проводка представляла собой провод, протянутый откуда-то снаружи.

Несмотря на то что стены были старыми, кроме той части, которую перестроил Мэйл, они оказались очень прочными: Энди потратила некоторое время, пиная их ногами, каждый камень, и проверяя пальцами все соединения. В конце концов у нее заболели руки, но слабые места ей найти не удалось.

Наверху, между балками размером два на десять[23], был дощатый потолок. Они могли до него дотянуться, встав на туалет, но когда по нему постучали, они услышали пугающе глухой звук. Энди боялась, что даже если им и удастся оторвать одну из досок, они обнаружат у себя над головами обычную землю.

Справиться со стальной дверью с простым засовом снаружи тоже не представлялось возможным. И никакого терпения не хватит, чтобы открыть замок при помощи шпильки, если бы она умела это делать, – а она не умела.

Энди снова задумалась, отчаянно пытаясь найти выход. Химикат в биотуалете? Если он достаточно сильный, возможно, удастся плеснуть его Мэйлу в глаза, а потом промчаться вверх по лестнице.

Он их убьет…

Энди закрыла глаза и мысленно воспроизвела их поездку из Городов.

Они болтались в задней части фургона, точно игральные кости в чашке, – в пустом фургоне, не больше стального ящика, в котором она не нашла ни ручек, ни вообще ничего. Мэйл, очевидно, установил стальную перегородку и убрал все ручки, когда готовился к похищению.

Когда они отъехали от школы, он некоторое время метался по улицам, поглядывая в зеркало заднего вида, затем фургон покатил по автостраде I-35, на юг – так решила Энди. Через несколько минут они свернули на незнакомое Энди двухполосное шоссе, мимо щитов, рекламирующих виски, и дальше, в пригороды, раскрашенные в пастельные тона, к югу от Городов. Девочки кричали и колотили ногами по стенам фургона, потом начали по очереди плакать.

Во рту у Энди все еще шла кровь, там, где зубы поранили губу. От запаха крови вперемешку с выхлопом ее тошнило; с трудом встав на колени, пока Мэйл мчался по улицам, она сумела отползти в угол, и там ее вырвало. От вони Женевьеву тоже начало тошнить, а Грейс принялась громко рыдать, содрогаясь всем телом. Энди все это видела, но не могла сосредоточиться на чем-то одном, потом наконец обняла девочек, прижала к себе и не стала мешать им плакать.

Мэйл не обращал на них ни малейшего внимания.

Через некоторое время все трое встали на колени около окон и принялись смотреть на проносящиеся мимо пригороды, потом по обеим сторонам дороги появились поля желтой кукурузы, бобов и люцерны, далеко за пределами Городов.

Мэйл включил радиоприемник, но без особой цели: «Аэросмит», «Тоуд зе уэт спрокет»[24], Гайдн, Джордж Стрейт[25], три, четыре, пять ток-шоу.

Послушайте, большинство преступников – слабые люди; значимыми их делает тот факт, что мы даем им в руки оружие. Заберите его, и они отправятся назад, в канавы, откуда они выбрались…

Пять минут они ехали по сельской дороге, подпрыгивая на длинных неровных кусках смолы в потрескавшемся асфальте; затем фургон покатил по гравию, оставляя за собой поднимавшиеся в воздух спирали пыли. Красные сараи и белые домики проносились мимо окон, потом возник и исчез запыленный черный почтовый ящик, забитый разноцветными ежедневными газетами.

---

[23] Очевидно, дюймов; дюйм равен 2,54 см. 2 дюйма – 5 см, 10 дюймов – 25 см.

[24] Американская группа, играющая альтернативный рок.

[25] Джордж Харви Стрейт (р. 1952) – американский певец, один из наиболее популярных исполнителей кантри 1980–2000-х годов.

Грейс с трудом поднялась на ноги, вцепилась в сетчатую перегородку, отделявшую их от Мэйла, и закричала:

– Выпусти меня отсюда, долбаный ублюдок, выпусти меня, выпусти…

Женевьева сильно испугалась, когда ее сестра начала кричать, и завизжала, издавая пронзительные звуки, похожие на вой сирены, а в следующее мгновение у нее закатились глаза. Она упала на спину. Энди решила, что у дочери сделался припадок, и поползла к ней, но глаза Женевьевы сфокусировались, и она снова завыла. Энди прижала руки к ушам, в то время как Грейс продолжала вопить:

– Выпусти меня отсюда…

Мэйл закрыл рукой ближайшее к ней ухо и, не оборачиваясь, закричал: «Заткнись, заткнись, заткнись!» – так, что его слюна забрызгала ветровое стекло.

Энди схватила дочь и заставила ее сесть, покачала головой, потом приблизила лицо к лицу Грейс и сказала:

– Не зли его.

Затем она прижала к себе Женевьеву и не отпускала, пока та не замолчала.

И тут наступил момент, мимолетный, когда Энди подумала, что события могут принять другой оборот; намек на новые возможности пронесся в ее затуманенном мозгу. Они свернули с дороги, усыпанной гравием, и покатили по земле.

Амброзии и гибискусы с черными глазками росли прямо посреди переулка и по обеим его сторонам; дальше, справа, они разглядели древние яблони с серой корой и растопыренными, точно пальцы пугала, ветвями.

В конце переулка стоял старый деревенский дом: умирающий, почти съеденный гнилью, обшитый досками, с облезающей краской и съехавшим набок крыльцом. За ним, на дальнем конце холма, из ямы торчал фундамент сарая. Он давно развалился, остался только нижний уровень с полусгнившим полом, накрытым голубой полиэтиленовой пленкой, завязанной в углах желтой полипропиленовой веревкой. Открытая дверь вела в темное нутро сарая, похожее на вход в пещеру. Вокруг него еще несколько покосившихся строений постепенно погружались в землю.

Когда они остановились, в сознании Энди пронеслась мысль, что их трое, а он один. Она могла бы попытаться его удержать и дать девочкам возможность убежать. Сразу за участком начиналось кукурузное поле. Грейс умная девочка и быстро соображает; оказавшись на поле, так густо заросшем, что оно напоминало лес, она сможет убежать…

Джон Мэйл остановил фургон, и они все перекатились к другой стенке, а Грейс встала на колени и выглянула в грязное окно. Мэйл повернулся на своем сиденье и сказал Энди:

– Если попытаешься сбежать, сначала я пристрелю твою младшую дочь, потом – вторую, а следом – тебя. – У него был неожиданно высокий голос, почти детский.

И надежда на спасение умерла.

Генетика сделала Джона Мэйла психопатом, а родители – социопатом.

Он был безумным убийцей и плевать хотел на то, как его называют.

Впервые Энди встретилась с ним во время стажировки в Университете Миннесоты. Она только начала работать психиатром, и ее интересовали необычные пациенты, сидевшие в тюрьмах округа Хэннепин. Она сразу заметила жесткий, быстрый ум Мэйла. Благодаря ему и своему крепкому телосложению он верховодил другими бандитами района. Ему некоторое время удавалось не попадать в руки полиции, но прошедший подготовку психиатр оказался ему не по зубам.

Энди разобрала его по косточкам.

Отец Мэйла не был женат на его матери, более того, он никогда с ними не жил; в последний раз о нем слышали, когда он служил в Военно-воздушных силах в Панаме. Джон ни разу в жизни его не видел.

Когда Мэйл был совсем еще ребенком, мать оставляла его на несколько часов, иногда на целый день и ночь, в детской кроватке, в голой комнате. Она вышла замуж, когда ему исполнилось три года; он еще не умел разговаривать. Отчиму не было дела до нее, и еще меньше его интересовал Джон, который постоянно его раздражал. Напившись, он порол мальчика кожаным ремнем; затем перешел на розги и, наконец, на палку от швабры и металлические прутья.

В детстве Мэйл получал невероятное удовольствие, когда мучил животных, сдирал шкуру с кошек и поджигал собак. Затем он стал нападать на других детей, мальчиков и девочек, став главным задирой среди сверстников. В четвертом классе преследования девочек начали носить сексуальный характер. Он стаскивал с них трусики и засовывал внутрь пальцы. Он еще не понимал, чего хочет, но уже был близок к этому.

В пятом классе, крупный для своего возраста, Мэйл стал ездить в большие магазины в Роуздейл и Ридждейл, где подлавливал деревенских ребятишек около игровых автоматов и отнимал у них деньги.

Он носил с собой детскую бейсбольную биту, потом – нож. В шестом классе учитель естествознания, который одновременно был тренером по футболу, отшвырнул его к стене, когда услышал, как он назвал девочку неприличным словом. Через неделю дом учителя сгорел дотла. И еще пять домов, принадлежавших родителям детей, которые оказывали ему сопротивление.

В июне после шестого класса Мэйл поджег дом пожилой пары, державшей последний в своем роде семейный магазин, торговавший продуктами, на восточной окраине Сент-Пола. Хозяева магазина спали, когда дым начал пробираться в спальню из-под двери, и умерли почти одновременно, задохнувшись на верхней площадке лестницы.

Умный коп, который занимался поджогами, в конце концов вычислил Мэйла и его поймали.

Он отрицал свою вину – и так ни в чем и не признался, – но все знали, что это он. Полицейские привезли Энди, чтобы она взглянула на их добычу, и он рассказал ей о своей жизни ровным, равнодушным голосом, при этом его детские глаза нахально путешествовали по всему ее телу, от груди до бедер. Он ее напугал, что ей совсем не понравилось. Она не привыкла бояться детей…

В двенадцать лет уже стало ясно, что Мэйл будет очень рослым мужчиной. Кроме того, у него были мощные мускулы, постоянно напряженное лицо и жесткие, точно два холодных камня, глаза. Он рассказал Энди про своего отчима.

– Когда ты говорил, что он бил тебя, ты имел в виду кулаками? – спросила она.

Мэйл фыркнул и ухмыльнулся ее наивности.

– Как же, кулаками! Ублюдок доставал из кладовки железную палку – знаете, такую, на которую вешают одежду – и порол меня этой штукой. Мою старушку он бил тоже. Ловил на кухне и мордовал до тех пор, пока не уставал, не обращая внимания на ее крики и слезы. Вся кухня была в крови, как будто ее обмазали кетчупом.

– И никто ни разу не вызвал полицию?

– Почему же? Только копы ничего не делали. Моя мамаша говорила им, что соседей не касается то, что происходит в ее доме.

– А когда он умер, стало лучше?

– Не знаю. Я уже там не жил, по крайней мере, постоянно.

– Где ты жил?

– Ну, летом под автострадой, – пожав плечами, ответил Мэйл. – За Сент-Полом, около железки есть несколько пещер. Там много народа живет…

– Ты больше не вернулся домой?

– Нет, как же, вернулся. Я несколько дней не ел и едва держался на ногах, и подумал, что, может, у мамаши есть сколько-то денег, но она вызвала копов. Если бы я туда не вернулся, то гулял бы на свободе. Она сказала: «Поешь хлопьев, я схожу за пирогом», вышла в переднюю и позвонила в полицию. Я получил хороший урок, и когда меня выпустят, прикончу старую суку, если смогу найти.

– А где она сейчас?

– Свалила с каким-то типом.

После двух месяцев терапии Энди порекомендовала отправить Мэйла в больницу штата. Он был больше чем ребенок, который пошел по кривой дорожке, больше чем просто неуравновешенный подросток. Он был безумен. Ребенок, внутри которого поселился дьявол.

Девочки перестали плакать, когда Мэйл открыл фургон. Он вытащил их наружу, поставив друг за другом, и провел в боковую дверь старого деревенского дома прямо в подвал, где пахло сыростью, свежей землей и дезинфицирующими средствами. «Значит, он совсем недавно наводил тут порядок», – подумала Энди, и у нее загорелась крошечная искра надежды, что он не собирается их убивать. По крайней мере, не сразу. А если у нее будет хотя бы чуть-чуть времени, совсем немного, она сможет с ним поработать.

А потом он их запер. Охваченные страхом, они прислушивались к каждому звуку, ожидая, что Мэйл вернется в любой момент, и Женевьева, не замолкая, повторяла одно и то же:

– Мама, что он собирается сделать?

Минута превратилась в десять, десять – в час, и девочки в конце концов уснули, а Энди прислонилась спиной к стене и попыталась думать…

Мэйл явился в три ночи, пьяный, возбужденный.

– Выходи, – прорычал он, глядя на Энди; в левой руке он держал банку с пивом.

Девочки проснулись, услышав, как открывается засов, отползли по матрасу к стене и прижались к ней спинами, скорчившись, точно маленькие зверьки в норке.

– Что ты хочешь? – спросила Энди, поглядывая на часы, как будто это был самый обычный разговор и она куда-то спешила. Но от страха ее голос дрожал, хотя она и пыталась изо всех сил сохранять спокойствие. – Ты не можешь держать нас здесь, Джон. Это неправильно.

– Мне плевать, – заявил он. – Давай выходи, будь ты проклята.

Он сделал к ней шаг, его глаза потемнели от ярости, и Манетт уловила запах пива.

– Хорошо. Только не делай нам ничего плохого, не нужно. Идемте, девочки…

– Они останутся, – сказал Мэйл. – Только ты.

– Только я? – Внутри у Энди все сжалось.

– Именно.

Он улыбнулся и положил свободную руку на дверной косяк, как будто ему требовалась опора. Или, наоборот, как будто Мэйл был совершенно спокоен. Он заплел волосы в косички, и Энди вдруг сообразила, что от него, кроме пива, пахнет еще лосьоном после бритья или одеколоном.

Она посмотрела на девочек, затем на Мэйла и снова на дочерей.

– Я скоро вернусь, – пообещала она. – Джон не причинит мне вреда.

Обе девочки промолчали в ответ. Они ей не поверили.

Манетт обошла Мэйла по широкой дуге. Во внешней части подвала воздух оказался холоднее и более свежим, но первое, что она заметила, это еще один матрас, который Мэйл

стащил вниз по лестнице. Энди шагнула к ней, когда дверь с грохотом захлопнулась у нее за спиной, и Джон предупредил:

– Не двигайся.

Энди остановилась, боясь пошевелиться. Он обошел ее и оказался между нею и дверью. Мгновение пристально на нее смотрел, немного покачиваясь на месте. Мэйл был сильно пьян – глаза полуприкрыты тяжелыми веками, губы кривятся в мерзкой презрительной усмешке.

– Никто не имеет ни малейшего представления, где вы находитесь и кто вас захватил, – заявил он и собрался рассмеяться; Энди поняла, что где-то в самых потаенных глубинах своего сознания он чувствует себя неуверенно. – Про это всю ночь по радио трепались. Копы носятся, как цыплята, у которых поотрубали бошки.

– Джон, они рано или поздно сюда приедут, – сказала она. – Мне кажется, для тебя лучше всего…

Энди автоматически перешла на докторский голос, слегка сухой, сдержанный тон, который использовала, когда беседовала с пациентами на деликатные темы. Аристократичный и одновременно говорящий о том, что она получила хорошее образование, он нередко выдавал ее собственное мнение по обсуждаемому вопросу.

Но в этот раз у нее не получилось.

Мэйл двигался очень быстро, на удивление, точно боксер среднего веса. Он подскочил к ней и так сильно ударил по лицу, что она упала. Еще мгновение назад Энди была доктором и собиралась провести сеанс психоанализа, а в следующее превратилась в раненое животное, которое пыталось восстановить равновесие до того, как превратится в кусок мяса.

Мэйл подошел к ней вплотную, настолько близко, что она чувствовала его запах и видела материал, из которого были сшиты его джинсы.

– Никогда больше не говори со мной *так*, – прорычал он. – Нас никто не найдет. Ни за что на свете. А теперь встань и выпрямись. Вставай, я тебе сказал.

Манетт прижимала руки к лицу, чувствуя, что в голове не осталось ни одной внятной мысли: все они напоминали буковки из игры «Скрэббл»[26], рассыпавшиеся по полу, после того как кто-то уронил доску. Она услышала какой-то треск и посмотрела на Мэйла, который в ярости наблюдал за ней. Он смял пивную банку в руке и отшвырнул ее в угол; она с грохотом отскочила от стены и рикошетом отлетела назад.

– Показывай, – приказал Мэйл.

– Что? – Энди не имела ни малейшего представления о том, что ему нужно.

– Показывай, – повторил он.

– Что? – тупо повторила она, качая головой.

– Сиськи, я хочу посмотреть на твои сиськи.

Женщина начала отступать назад, один шаг, второй, но спасения не было: у нее за спиной, точно обрубок дуба, стояла старая угольная печь – дверца открыта и сдвинута чуть влево, а дальше черная дыра; там ей совсем не хотелось оказаться.

– Джон, ты же не хочешь причинить мне вред. Джон, – проговорила она. – Я тебе помогала.

Он наставил на нее указательный палец.

– Не смей об этом говорить. Не смей, не смей. Как же, помогала она! Ты отправила меня в вонючую больницу. Хорошо же ты мне помогла. – Он принялся дико оглядываться по сторонам, потом увидел банку из-под пива на полу. Он забыл, что все допил, и подошел к Энди. – Ну, давай, показывай.

Она скрестила на груди руки.

---

[26] Настольная игра, аналог русского «Эрудита» – из букв игроки составляют слова.

– Джон, я не могу…

Он снова ее ударил, так же быстро, как в прошлый раз, открытой ладонью, но не слишком сильно. Когда Энди подняла руки к лицу, он начал наносить ей новые и новые удары. Она не могла от них защититься, не могла остановить его, даже не видела, как приближается его рука.

А потом он набросился на нее, толкнул спиной на каменную стену и принялся рвать пиджак и блузку.

– Нет, Джон, не делай этого!.. – кричала она.

И он снова ее ударил, сбил с ног, схватил за волосы, потащил на матрас и рухнул на нее, усевшись сверху. Энди отбивалась, без особого результата размахивая руками. Тогда он поймал их, соединил вместе и прижал одной своей рукой. Энди его плохо видела и поняла, что у нее кровь на лице и в одном глазу.

– Джон… – Она заплакала, не в силах поверить, что он сможет сделать задуманное.

Но он смог.

Когда Мэйл закончил, он был еще злее, чем вначале.

Он заставил ее одеться, насколько возможно – он разорвал ее блузку почти пополам и отобрал лифчик, – а потом втолкнул обратно к дочерям.

Обе девочки, даже маленькая Женевьева, поняли, что произошло. Когда Энди рухнула на матрас, они тут же подползли к ней и поддержали ее голову, когда дверь с грохотом захлопнулась.

Она не могла плакать.

Глаза высохли, или еще что-то с ними случилось. Когда она думала о Мэйле – не о лице или голосе, а о его запахе, – она начинала задыхаться, и внутри у нее все невольно сжималось.

Но плакать она не могла.

Однако боль чувствовала: множество синяков, царапин, растяжений мышц, которые она получила, когда пыталась вырваться из сильных рук Мэйла. Впрочем, крови не было, она проверила, и хотя внутри у нее все болело, он ей ничего не порвал.

Когда Мэйл вернулся, она сидела с сухими глазами, так и не пришедшая в себя.

Они что-то почувствовали, приглушенный звук, легкое дрожание пола над головой и поняли, что он сейчас появится. Они сидели на матрасе, лицом к двери, когда та открылась. Энди подобрала под себя юбку.

Мэйл был в джинсах, клетчатой рубашке и круглых темных очках, в руке он держал пистолет.

– Я не могу держать здесь вас всех. – Он показал на Женевьеву: – Идем, я тебя забираю.

– Нет, нет, – выкрикнула Энди, схватила Женевьеву за руку, и девочка прижалась к ней. – Нет, Джон, пожалуйста, я за ней присмотрю, она будет вести себя тихо, Джон…

Мэйл отвернулся.

– Я отвезу ее в «Уол-Март»[27] и там оставлю. Ей хватит ума найти копов и вернуться домой.

Энди встала и взмолилась:

– Джон, я за ней присмотрю, честное слово; клянусь богом, она не доставит тебе проблем.

– Она уже проблема. Стоит мне о ней подумать, и я знаю, что она проблема. – Он показал пистолетом на Грейс, которая отшатнулась. – Ее я оставлю здесь, она слишком большая

[27] Торговая марка крупнейшей в мире розничной торговой сети; в данном случае имеется в виду один из магазинов «Уол-Март».

и может привести копов. А эта маленькая… я надену ей на голову мешок, отведу к фургону и высажу около «Уол-Марта».

– Джон, прошу тебя, – умоляла Энди.

– Выходи, девочка! – рявкнул Мэйл, глядя на Женевьеву. – Иначе я тебя отделаю до полусмерти и все равно вытащу отсюда.

Манетт опустилась на колени, потом снова встала и потянулась к нему.

– Джон…

Он сделал шаг назад, вскинул руку и схватил ее за горло – на мгновение Энди показалось, что ей конец: он душил секунду, а потом отшвырнул назад.

– Отвали. – И, повернувшись к Женевьеве, приказал: – Давай, девочка, выходи, шагай к двери.

– Подожди, подожди, – взмолилась Энди. – Жен, возьми пальто, сейчас холодно… – Женевьева свернула пальто, превратив его в подушку, и Энди встала с матраса, взяла пальто, надела на дочь и застегнула, глядя ей в глаза. – Будь хорошей девочкой, – сказала она. – Джон не сделает тебе ничего плохого.

Женевьева шла к двери так, будто пол был вымазан клеем и ее ноги к нему прилипали.

– Женевьева, милая, – крикнула ей вслед Энди, – попроси кого-нибудь позвать полицейского! Когда окажешься в универмаге, позови полицейского и скажи, кто ты такая. Они отвезут тебя домой, к папе.

Дверь захлопнулась прямо у нее перед лицом. Она слышала едва различимые шаги, но больше никакие звуки не проникали сквозь стальную дверь.

– Жен справится, – сказала Грейс, которая заплакала и с трудом выговаривала слова. – Она много раз бывала в больших магазинах. Она найдет полицейского и вернется домой. Папа о ней позаботится.

– Да. – Энди опустилась на матрас и закрыла лицо руками. – О господи, Грейс! О господи!

Глава 06

– Ненавижу богатеев, – пробормотала Шерилл.

На ней была та же куртка, что и вчера, но теперь она надела собственную зеленую бейсболку со светло-голубым козырьком. Волосы она заправила внутрь. Довершали наряд голубые кроссовки. Короче, получился сорванец с отличной грудью. А еще розовые щеки и обаятельная улыбка… В общем, Блэк считал ее необычайно аппетитной.

Они оставили машину на парковке возле офисного здания, где работала Энди Манетт. Шерилл решила, что его построил крайне неприятный архитектор: черные окна, красные кирпичи, медные бортики обсаженного камышом пруда, перед которым красовалась ржавая спираль из кортеновской стали[28]. Блэк остановился перед «скульптурой». На пластине было написано: «Трассировка лучей»[29] Ригли.

– Ты знаешь, что это должно означать? – спросил он, изучая скульптуру.

– Похоже на большой кусок ржавой стальной жвачки, которую кто-то искорежил, – ответила Шерилл.

– Господи, ты настоящий художественный критик. Наверное, ты права, – сказал Том.

Шерилл повела его за собой по мостику, перекинутому через начинавшийся у пруда ров. Кто-то высыпал в пруд полведра кукурузы, и стайка диких уток и два канадских гуся ныряли на дно за зернышками. Полдюжины декоративных карпов медленно кружили между утками, и их золотистые тела блестели под поверхностью воды. Дождь прекратился, и первые робкие солнечные лучи с трудом добирались сюда сквозь листву плакучих ив.

– А вот и Дэвенпорт, – сказал Блэк, и Шерилл оглянулась на парковку.

Лукас выходил из своего «Порше». На парковке было полно «БМВ» 700-й серии и «Мерседесов» S-класса, несколько «Лексусов» и «Кадиллаков» и одинокий «Ягуар», затесавшийся среди обычных «Фордов» и «Шевроле». Лукас обошел черную «Акуру NSX», аккуратно припаркованную в стороне от остальных автомобилей, и остановился, чтобы заглянуть внутрь.

– Кстати, о богатеях, – сказала Марси.

Они дождались, когда Лукас оторвется от «NSX» и выйдет на дорожку. Он кивнул Блэку, улыбнулся Шерилл, и она ощутила странный импульс.

– Если я решу угнать машину, то приду сюда, – сказал Дэвенпорт. – Посещения психоаналитика стоят немалых денег.

– Или можно добиться, чтобы визиты оплачивал округ, – заметил Блэк.

– Вы уже с ней разговаривали? – спросила Шерилл.

– Пока нет, – ответил Лукас.

Они изучили указатель – изящный прямоугольник, украшенный синей райской птицей. Офис Манетт находился в задней части здания и состоял из нескольких комнат с нейтральным серым ковром и скандинавской мебелью. Почтенная секретарша, тоже скандинавского происхождения, сидела за письменным столом из светлого дуба и что-то печатала на клавиатуре. Она отвела взгляд от монитора и посмотрела на Лукаса, Блэка и Шерилл.

– Могу я…

---

[28] Легированная сталь, часто используется в скульптуре из-за фактуры и цвета: ее ржавчина имеет бронзовый оттенок и не размывается водой.

[29] Один из методов геометрической оптики – исследование оптических систем путем отслеживания взаимодействия отдельных лучей с поверхностями.

– Мы офицеры полиции Миннеаполиса. Я заместитель начальника полиции, Лукас Дэвенпорт. У нас имеется ордер на получение всех документов доктора Манетт и проведение обыска в ее кабинете, – сказал Лукас. – Вы не могли бы проводить нас туда?

– Я позову миссис Карней и доктора Вулф…

– Нет. Сначала отведите нас в офис, а потом можете звать кого угодно, – вежливо сказал Лукас. – Кто такая миссис Карней?

– Офис-менеджер, – сказала секретарша. – Я позову…

– Нет. Проводите нас в кабинет доктора Манетт.

Кабинет доктора Манетт оказался удобным и уютным; здесь стояли комфортабельная кушетка и диван для двоих, расположенные под углом друг к другу, а также стеклянный кофейный столик. Столик украшали две керамические фигурки Кирка Литтла: раненые птицы, стремящиеся в небо.

– Где хранятся документы?

– Вот здесь. – Секретарша была на грани паники, однако указала на ряд деревянных дверок.

Шерилл подошла и распахнула их. В алькове за ними оказалось полдюжины отделений – в каждом по четыре выдвижных ящика – и деревянный столик с кофейным автоматом и маленьким холодильником.

– Благодарю вас, – сказал Лукас, кивая секретарше. Женщина отступила назад, повернулась и умчалась прочь. – Теперь будет много шума, – добавил он.

– Крутое дерьмо, – пробормотала Шерилл.

Дэвенпорт снял пальто, бросил на кресло, подошел к ближайшему ящику и вытащил его.

– Убирайтесь отсюда! – закричала Нэнси Вулф.

Она ворвалась в кабинет с поднятыми руками, словно собиралась вышвырнуть Лукаса за дверь или ударить его. Дэвенпорт пошире расставил ноги, и, когда она его толкнула, даже не пошевелился. Вулф отскочила назад.

– Если вы еще раз до меня дотронетесь, я арестую вас и увезу в полицейский участок в наручниках, – спокойно сказал Дэвенпорт. – Нападение на офицера полиции – это гарантированный судебный приговор.

В черных глазах Вулф сверкал гнев.

– Вы пытаетесь взять мои карточки, у вас нет права…

– У меня судебная повестка, ордер на обыск и письменное разрешение ближайшего родственника доктора Манетт, – заявил Дэвенпорт. – И мы просмотрим все документы.

Она снова шагнула к Лукасу, ее руки пришли в движение. Он повернулся на полдюйма и слегка опустил подбородок, но увидел, как в ее глазах что-то дрогнуло. Вулф поверила, что он ударит ее в ответ, а потому вновь отступила и скрестила руки на груди.

– Вы имеете в виду Джорджа Данна?

– Да.

– Джордж Данн уже очень далек от Энди, – сказала Вулф. Если сначала ее лицо побелело от гнева, то сейчас на щеках появились алые пятна. Она была привлекательной женщиной – стройная, волосы цвета соли с перцем, совсем немного косметики. Но сейчас раскрасневшееся лицо резко контрастировало со строгим костюмом оттенка зеленой мяты и изящным шейным платком. – Я не считаю…

– Мистер Данн является мужем миссис Манетт, – вмешалась Марси. – Энди Манетт и ее дети похищены, и хотя никто не говорит об этом вслух, возможно, они уже мертвы.

– А если и живы, то очень скоро могут погибнуть, – добавил Лукас. – Если вы будете и дальше так паскудно мешать нам просмотреть записи миссис Манетт, то проиграете. А отсрочка может грозить смертью вашей партнерше и ее детям.

Лукас совершенно сознательно употребил слово «паскудно», чтобы шокировать Вулф и заставить ее перейти к обороне.

– Я хочу позвонить своему адвокату, – сразу сказала она.

– Звоните, – равнодушно ответил Дэвенпорт.

Вулф бросила на него ненавидящий взгляд, развернулась на каблуках и выскочила из комнаты.

– Насколько надежно наше положение? – спросил Блэк, когда дверь за ней захлопнулась.

– Вполне надежно, но они могут найти дружественно настроенного судью, и это нас задержит, – ответил Лукас. Шерилл кивнула и вытащила другой ящик. – Просмотрите всё, нам необходимо получить имена и адреса – зачитайте их на диктофоны, запишем потом. Нам нужно спешить. Если возникнут проблемы с доступом к файлам, у нас будет хоть что-то. Если кто-то попытается вмешаться, свяжитесь с офисом окружного прокурора и продолжайте работу. Когда имена будут записаны, вернитесь к карточкам и начинайте искать подозрительных лиц. Любые упоминания о насилии или угрозах. Сексуальные извращения. Для начала только мужчины.

– А вы куда? – спросила Шерилл.

– Хочу кое-что уточнить у своих знакомых.

Нэнси Вулф встретила его в коридоре.

– Мой адвокат уже в пути. Он сказал, чтобы вы не трогали документы до тех пор, пока он не приедет.

– Ну да. Как только ваш адвокат займет соответствующую должность в окружном суде, я сразу начну выполнять его указания, – сказал Лукас, но потом заговорил немного мягче: – Послушайте, мы не собираемся привлекать к суду ваших пациентов; более того, мы даже не станем обращать внимания на большинство из них. Но сейчас нам необходимо действовать с максимальной быстротой. У нас нет выбора.

– Вы отбросите нас на годы назад с некоторыми из них. Вы уничтожите доверие, которое нам удалось получить – многие из этих людей верят только нам. А если мы лечим кого-то от сексуальных отклонений или других опасных вещей, они сюда больше не вернутся. Во всяком случае, после того, как узнают, что вы сделали.

– А зачем им это знать? – спросил Дэвенпорт. – Если вы не станете устраивать скандал, о нас узнают лишь те люди, с которыми мы побеседуем сами. А им мы скажем, что получили информацию в другом месте, а не в вашей картотеке.

Она покачала головой.

– Если вы просмотрите все файлы, я считаю себя обязанной сообщить об этом моим пациентам.

Лукас напрягся, и его голос резко изменился.

– Вы ничего им не скажете до тех пор, пока мы с ними не свяжемся, – жестко сказал он. – Видит бог, если один из них окажется похитителем, я объявлю вас сообщницей.

Рука Вулф метнулась к шейному платку.

– Это смехотворно, – заявила она.

– А правда ли то, что вы получите полмиллиона долларов в случае смерти Энди Манетт?

Вулф поджала губы, в ее глазах промелькнуло отвращение.

– Оставьте меня в покое, – сказала она, отстранила его рукой и решительно направилась к кабинету Манетт. – Уходите отсюда.

Однако на этом Вулф не успокоилась.

– Кто вам сказал? Джордж? Это сделал Джордж? – крикнула она, подойдя к двери.

Лукас зашел в магазин в Динкитауне[30], где продавали видеоигры, рядом с кампусом Университета Миннесоты, а потом еще в один, на Снеллинг-авеню, в Сент-Поле, после чего отправился в Южный Миннеаполис.

«Эдгином»[31] владел Маркус Палома, в прошлом любитель ЛСД и мескалинового чая. Магазинчик находился в нескольких кварталах от озера в окружении маленьких оштукатуренных домиков, построенных после Второй мировой войны, с заросшими сорняком лужайками.

Лукас припарковался и рысью побежал к магазину. После дождя прохладный воздух приятно холодил кожу, исчезла привычная уличная пыль, листья деревьев сияли, словно неоновая реклама.

Магазинчик был прямой противоположностью улице – темный, затхлый, немного пыльный. Стопки комиксов в пластиковых пакетах стояли рядом с коробками подержанных ролевых и военных игр. За стеклом выстроились ряды металлических фигурок – тролли, маги, воры, солдаты; кассу охраняли священники и гоблины.

Маркус Палома, сухопарый немолодой мужчина с козлиной бородкой, очками с толстыми стеклами и начавшими недавно редеть седыми волосами, которые еще оставались достаточно пышными, был одет в серый спортивный костюм и кроссовки «Найк». Однажды он финишировал восьмым в марафоне Сент-Пола.

– У меня появилась новая концепция! – закричал он из дальнего конца магазина, из-за полки с комиксами, как только увидел Лукаса. – Я сделаю миллион долларов.

Джон Мэйл сидел на складном стуле и просматривал картонный ящик с подержанными коробками «Подземелий и драконов»[32]. Он посмотрел на Лукаса и снова вернулся к изучению коробки. Два других любителя игр, парень и девушка, также подняли головы, когда Палома обратился к Лукасу.

– Феминистская ролевая игра, основанная на «Подземельях и драконах», – продолжал Палома, понижая голос по мере того, как приближался к Лукасу. – Действие происходит в доисторические времена, но ее участникам придется решать проблемы, связанные с гетеросексуальными отношениями в мире лесбиянок. Я назову ее «Гнездо».

Дэвенпорт рассмеялся.

– Маркус, все, что тебе известно о феминизме, можно записать на оборотной стороне долбаной почтовой марки ручкой для нанесения несмываемых меток на ткань, – сказал он.

– Сквернословие есть признак невежества, – заявила девушка-геймер, поворачиваясь к Лукасу; она явно стремилась вступить с ним в спор.

– Это была непристойность, милая, – на ходу проговорил Маркус, – а не сквернословие. Держи свое дерьмо в строгости. Кстати, это вульгаризм – я о дерьме. – Лукасу он сказал: – Как поживаешь? Пристрелил кого-нибудь в последнее время?

– Не удалось, – ответил тот, и они пожали друг другу руки. – Ты хорошо выглядишь.

– Благодарю. – Лицо Маркуса сохраняло обычный серый цвет. – Я слежу за диетой. Полностью отказался от жиров, за исключением столовой ложки очищенного оливкового масла в салате, в полдень.

– Да?

– Да. Ты можешь подписать кое-какие товары, раз уж ты здесь?

– Конечно.

– Эй, так вы Дэвенпорт? – спросила девушка-геймер, ученица старшего класса, дрожащая от избытка кофеина.

---

[30] Район Миннеаполиса.

[31] Утопия в одноименном романе С. Батлера; частичная анаграмма от Nowhere – Нигде.

[32] Настольная ролевая игра в стиле фэнтези, по времени издания первая ролевая игра в мире.

– Да.

– У меня дома есть «Блейдс»; я бы хотела, чтобы вы их подписали.

– У тебя есть книга? – спросил Маркус у девушки.

– Конечно, – ответила она.

– Я дам ему подписать другую, а ты принесешь сюда свою, и мы обменяемся.

– Клево! – сказала довольная девушка.

– Маркус, нам нужно поговорить, – сказал Лукас. – Это займет не более минуты.

– Ладно, дай мне только взять игры.

Маркус подошел к кассе, взял полдюжины коробок с полки, подошел к другой, прихватил еще парочку и повел Лукаса в заднюю часть магазина. Прежде чем скрыться за серой занавеской, он крикнул девушке:

– Приглядывай за порядком, Кэрол!

В его кабинете было полно запечатанных картонных коробок. В углу стоял старинный письменный стол с опускающимся верхом, заваленный нераспечатанными письмами, и три стула – один удобный, с мягкой обивкой, и два складных, с сиденьями из зеленого винила. Здесь пахло старыми газетами и слегка несвежей кошачьей едой. На столе лежал рыжий полосатый кот, невероятно толстый. Он бросил мрачный взгляд на шелковый костюм Маркуса и вновь погрузился в размышления.

– Садись, – предложил Палома, радушно взмахнув рукой. – Проклятый котяра устроился на моих заказах… Проваливай оттуда, Бенни.

Пару минут они болтали об играх и бизнесе – кто побеждает, кто проигрывает, о торговых войнах.

– Послушай, Маркус, у меня к тебе вопрос, – сказал Дэвенпорт, наклонившись вперед и похлопав Палому по колену.

– Конечно. Полицейские дела? – Иногда Палома работал информатором для Лукаса.

– Да. Ты слышал о похищении женщины-психоаналитика? И ее детей? На первой полосе «Стриб»?[33]

– Да, читал, – удивленно ответил Палома. – Кто-то увез ее прямо с парковки.

– Я не исключаю, что он мог быть фанатом компьютерных игр, – сказал Лукас.

– Геймер? – с сомнением спросил Лукас.

В комнату вошла серая кошка. Маркус взял ее на руки и почесал за ушами, а она уставилась на Лукаса желтыми глазами.

– Да. Крупный парень, в футболке с ЖенКона, возраст – около двадцати пяти лет. Вероятно, очень сильный, культурист. Склонен к насилию. Длинные светлые волосы до плеч.

– Дикси хорошая, – сказал Палома, обращаясь к кошке, потом задумчиво покачал головой. – Пожалуй, никого нет. Большой и сильный? Такие геймеры встречаются не часто. – Он почесал нос. – Если только…

– Да?

– Парень, который сейчас в магазине – он большой. – Палома кивнул в сторону двери. – И производит впечатление сильного. И мне кажется, я видел его в футболке ЖенКона.

– А где он? Вроде бы он сидел?.. Мне он показался невысоким. – Лукас посмотрел в сторону занавески, отделявшей офис от магазина.

– Он сидел на маленьком складном стульчике. Думаю, у него рост около 193 сантиметров, вес примерно 100 кг. Силен, как бык, – сказал Палома.

Лукас шагнул к двери.

– Как его зовут?

– Не знаю. Я видел его всего два или три раза. Он со мной не разговаривал.

---

[33] «Стар трибьюн» – самая тиражная газета в штате Миннесота.

– А его машину ты видел?

– Нет, кажется, – ответил Палома.

– Хм, – сказал Дэвенпорт и поспешно направился к двери, но темноволосый мужчина уже ушел.

– Где тот парень? – спросил Лукас у девушки. – Он только что там сидел…

Она покачала головой.

– Ушел. Так вы подпишете мне книгу?

– А кто он? Ты его знаешь? – Лукас поспешно направился к выходу из магазина.

– Нет, никогда раньше не видела, – ответила девушка. – Почему вы спрашиваете?

– А вы? – обратился Дэвенпорт к мужчине.

– Нет. Я с ней.

Лукас выскочил на тротуар. Магазин находился на перекрестке, и полицейский посмотрел во все стороны. Фургона нигде не было видно. Только зеленая «Мазда», за рулем которой сидела рыжая женщина в зеленом платье и которая, похоже, заблудилась.

Как долго они разговаривали в кабинете Паломы? Четыре или пять минут – не больше.

И за это время тот тип успел бесследно исчезнуть.

Дэвенпорт стоял на углу и размышлял.

Крытую автостоянку, которая раньше находилась напротив входа в здание муниципалитета, снесли, и Лукас оставил «Порше» на улице. Палома, который ехал за ним на «Студебеккере Голден Хок»[34], нашел другое свободное место в соседнем квартале. Пока они вместе шли к муниципалитету, послышалась знакомая мелодия – «Ты мой солнечный свет»[35]. Она доносилась с этажа, расположенного над главным полицейским управлением.

Их догнал худощавый мужчина. Когда Лукас к нему повернулся, Слоун сказал, глядя на колокольню:

– Надеюсь, на этот раз там нет проклятых богом наркоманов.

Лукас усмехнулся.

– Да, будет непросто объяснить самому себе – «Ты мой солнечный свет», гремящий в твоем сознании.

– Мне хочется спрыгнуть с башни. А я даже ничего не принимал, – вздохнул Палома.

Шерилл присоединилась к ним в коридоре возле кабинета Лукаса. Она держала в руках большой конверт с документами.

– У нас возникла проблема. – Женщина посмотрела на Палому и повернулась к Лукасу. – Нужно поговорить. Прямо сейчас.

– Что? Они получили постановление суда?

– Нет. Но вам это не понравится.

Лукас повернулся к Слоуну.

– Маркус здесь для того, чтобы сделать фоторобот похитителя Манетт. Возможно, он кое-что расскажет. Ты можешь с ним поработать?

– Конечно, – сказал Слоун и повернулся к Маркусу. – Пойдем.

Дэвенпорт открыл кабинет и кивком предложил Марси сесть, а сам повесил пальто и пиджак на старомодную вешалку.

– Ну, рассказывай, – сказал он.

Он решил, что ему нравится такой облик Шерилл – девчонка с красивой грудью. Прежде он никогда за ней не ухаживал и теперь удивлялся, как мог ее пропустить.

---

[34] Автомобиль, выпущенный между 1956 и 1958 г.

[35] Популярная песня, впервые записанная в 1939 г.

– Тип по имени Даррелл Алдус, старший вице-президент в «Джодрелл нэшнл», – сказала Шерилл, – занимался сексом с маленькими мальчиками, которые входили в его отряд бойскаутов.

Лукас нахмурился.

– Какое это имеет отношение к Энди Манетт…

– Никакого, если не считать того, что она не сообщила о нем в полицию. А это тяжкое уголовное преступление. Случилось то, чего все боялись. Здесь Алдус признается, – Шерилл постучала пальцем по конверту, – что он имел несколько сексуальных контактов с мальчиками, но теперь пытается вылечиться. Если мы за ним придем, адвокат защиты скажет Алдусу, чтобы тот прекратил терапию и дальше помалкивал. Поскольку все, что у нас есть, это заметки Манетт, и нет магнитофонной записи, нам не удастся предъявить ему обвинение – ведь сейчас Манетт не может ничего подтвердить. Конечно, если передать дело в другой отдел, чтобы они поговорили с мальчиками…

– У нас есть имена мальчиков? – спросил Лукас.

– Нет, но если постараться, их будет несложно найти.

– Проклятье. – Дэвенпорт выдвинул ящик стола и положил на него ноги. – Нам все это совершенно ни к чему.

– Пресса набросится на нас с остервенением, – проговорила Марси. – Если мы его арестуем, разразится грандиозный скандал, и эта история появится на первых страницах всех газет.

– В таком случае нам следует поступить правильно.

– Да, это как? – спросила Шерилл.

– А хрен его знает, – ответил Лукас.

– Тогда решение принимать вам, – сказала она и протянула ему конверт. – Я возвращаюсь обратно, чтобы изучить остальные карточки. Меня не удивит, если Блэк обнаружил похожие вещи… я наткнулась на это уже в четвертой папке.

– Но ничего, что помогло бы с похищением Манетт?

– Пока нет. Но Нэнси Вулф…

– Да?

– Она говорит, что вы ужасный грубиян.

Лукас отнес досье Алдуса шефу, и она взяла его, точно гремучую змею.

– Дай мне парочку идей, – предложила Рукс.

– Придержи его.

– А тем временем этот тип будет трахать маленьких мальчиков?

– В последнее время он ничего такого не делал. И я не хочу устраивать драку тортами, пока идет расследование похищения Манетт.

– Хорошо. – Рукс задумчиво посмотрела на досье. – Я посоветуюсь с Фрэнком Лестером и попрошу его назначить вменяемого офицера для предварительной оценки достоверности материала.

– Разумный шаг, – ответил Лукас. – Под ковер… во всяком случае, пока. А что политики?

– Я поставила семью в известность о ходе расследования. Манетт выглядит так, словно смерть уже поцеловала его в губы.

Слоун перехватил Дэвенпорта в коридоре.

– Твой приятель-наркоман посмотрел на фоторобот: он говорит, что это может быть наш парень.

– Сукин сын, – сказал Лукас и прикрыл руками глаза, словно защищаясь от яркого света. – Он был в магазине, а я даже не разглядел его лица.

Грив переоделся в свежий синий костюм; глаза Лестера покраснели от недосыпания.

– Они тебя достали? – спросил Лукас, входя в убойный отдел.

– Да, – ответил Лестер, выпрямляясь. – Что у тебя?

Дэвенпорт за минуту рассказал ему последние новости.

– Возможно, это был он.

– Или Лоуренс Айовский, – пробормотал Грив.

Лестер передал фоторобот, сделанный на основе информации, полученной от школьницы и Гердлера.

– Потратил кучу времени, прежде чем уговорил их в этом участвовать, – сказал Лестер. – У меня такое впечатление, что наши свидетели… М-м-м, какое слово я ищу?

– *Провал,* – подсказал Грив.

– Вот именно, – кивнул Лестер. – Наши свидетели – полный провал.

– Может быть, мой человек сможет кое-что добавить, – сказал Лукас. Лицо фоторобота было жестким и пустым, что могло означать как недостаток информации, так и полное безумие. – Андерсон рассказал про футболку ЖенКона?

– Да, – кивнул Лестер, потянулся и зевнул. – Мы пытаемся получить список людей, которые регистрировались на конвентах в последние два года в отелях… Ты видел сегодняшний номер «Стар трибюн»?

– Да, но пропустил телевизионные новости, – сказал Лукас. – Насколько я понял, они слегка перестарались.

Лестер фыркнул.

– Они устроили истерику.

Дэвенпорт пожал плечами.

– Она белая, высококлассный специалист, из верхушки среднего класса, женщина из богатой семьи. Прекрасный повод начать истерику. Будь она черной, все помалкивали бы.

На пустом столе лейтенанта зазвонил телефон. Грив подошел, снял трубку после четвертого сигнала, немного послушал и посмотрел на Лукаса.

– Послушай, Лукас, это тебя. Парень утверждает, что ты ему срочно нужен. Доктор Мортон.

Дэвенпорт недоуменно потряс головой.

– Никогда о нем не слышал.

Грив пожал плечами и помахал в воздухе телефонной трубкой.

– Ну?

– Господи, неужели Уэзер? – сказал Лукас. – Он взял трубку у Грива. – Дэвенпорт.

– Лукас Дэвенпорт? – послышался молодой голос, но в нем чувствовалась хрипотца, характерная для тех, кто курит марихуану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.